

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

**№ 2
Т. 5. Психология**

Санкт-Петербург
2013

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 2 (Том 5)' 2013
Психология
Основан в 2006 году

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

Редакционный совет:

Е. С. Ермакова, доктор психологических наук, доцент;
В. Г. Казанская, доктор психологических наук, профессор;
А. Г. Маклаков, доктор психологических наук, профессор (отв. за выпуск);
И. А. Мироненко, доктор психологических наук, доцент;
Л. Я. Миссуловин, доктор психологических наук, профессор;
В. А. Худик, доктор психологических наук, профессор;
С. В. Чермянин, доктор медицинских наук, профессор

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, определенный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел./факс: (812) 476-90-36
[http:// www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2013
© Авторы, 2013

Содержание

СОЦИАЛЬНАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- В. Е. Семёнов*
Ценностно-ментальная дифференциация
и согласие в современном российском обществе 5
- Л. Г. Почебут, Д. С. Безнос*
Психологический анализ социальных представлений русских .. 15
- И. С. Клёцина, Е. А. Чикалова*
Взаимосвязь норм маскулинности и социальных представлений
о содержании поведения в рамках отцовской роли..... 24
- В. С. Бялт*
Функции дисциплинарной практики как элемент системы
мотивационной направленности личности на соблюдение
служебной дисциплины в органах внутренних дел..... 36
- Е. П. Волохова*
Понятие «социальное безумие»
как феномен современного массового сознания 42

ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ФУНКЦИЙ

- В. Д. Балин*
Классификация – важнейшая функция
индивидуального сознания..... 48
- Е. Ю. Коржова, О. В. Рудыхина*
Понятие «эпистемологический стиль»
и его психологическое содержание 57
- Е. В. Левченко, Т. А. Втюрина*
Анализ понятийного уровня ментальных репрезентаций
мотивации в научном и обыденном сознании 67
- Сведения об авторах 81

Contents

SOCIAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF ORGANIZATIONS

Semenov V. E.

Value-mental differentiation
and social consent in contemporary Russian society..... 5

Pochebut L. G., Beznosov L. S.

Psychological analysis of social representations of Russians 15

Klyotsina I. S., Chikalova E. A.

The correlation of attitudes on masculinity norms
with social representations about the fathers' role 24

Byalt V. S.

The functions of disciplinary practice as the element
of personal motivational focus on service discipline
in the internal affairs..... 36

Volochova E. P.

«Social madness»
as a phenomenon of contemporary mass consciousness 42

COGNITIVE PROCESSES AND FUNCTIONS

Balin V. D.

Classification is one of the most important functions
of the individual consciousness 48

Korjova E. Y., Rudykhina O. V.

The concept «epistemological style»
and its psychological contents 57

Levchenko E. V., Vtyurina T. A.

An analysis of the conceptual representations of motivation
in scientific and habitual thinking 67

Information about authors..... 81

СОЦИАЛЬНАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

В. Е. Семёнов

Ценностно-ментальная дифференциация и согласие в современном российском обществе

В контексте авторской концепции российской полиментальности, на основе анализа научной литературы и данных социально-психологических исследований рассматриваются проблемы ценностно-ментальной дифференциации, социального согласия и духовно-нравственного воспитания в современном российском обществе.

In the context of conception of the Russian polymentality the article analyses problems of value-mental differentiation, social consent, spiritual-moral values and education in modern Russian society.

Ключевые слова: полиментальность, базовые российские менталитеты, личностно-ментальные типы, ценностно-ментальная дифференциация, социальное согласие, духовно-нравственные ценности и воспитание.

Key words: polymentality, basic Russian mentalities, personal-mental types, value-mental differentiation, social consent, spiritual-moral values and education.

Значение духовно-нравственных ценностей и соответствующего воспитания как важнейших условий преобразования и развития нашего общества обосновываются, прежде всего, в трудах отечественных философов и социологов И.А. Ильина и Н.О. Лосского, П.А. Сорокина и А.С. Панарина, педагогов и психологов А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинского, В.Н. Мясищева и К.К. Платонова, а также зарубежных исследователей А. Швейцера и В. Франкла. Проблемы духовно-нравственных ценностей и установок постоянно изучаются автором и под его руководством в эмпирических исследованиях начиная с 1980-х гг., целенаправленно на молодёжных выборках – с начала текущего века [1, 4, 7–9, 12]. Эти работы перекликаются и коррелируют с исследованиями учёных Института психологии РАН под руководством А.Л. Журавлёва и А.В. Юревича [2, 3].

В данной статье я обсуждаю духовно-нравственные проблемы нашего общества и его ценностно-ментальной дифференциации в контексте своей концепции российской полиментальности [5; 6; 8] в связи с тем, что ситуация в нашем обществе нередко трактуется недостаточно адекватно, без учета его сложного полиментального характера. Считать, что у того или иного народа, населения страны только один менталитет – явное упрощение. Поэтому мною введено понятие «полиментальность» – множественность менталитетов в социуме [6] в их сложном взаимосуществовании и взаимодействии: от совместимости и индифферентности до острой борьбы и конфликтов. При этом в понимании автора менталитет – это исторически сложившееся групповое долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении.

В моей концепции основные российские менталитеты дедуктивно закладываются философскими универсальными категориями-оппозициями: Бог – Идол по вертикали; Коллектив – Индивид по горизонтали.

Индуктивно менталитеты подкрепляются культурно-историческими и социопсихологическими реалиями, фактами, результатами эмпирических исследований. Типология базовых российских менталитетов была предложена мною ещё в 1994 г. и в дальнейшем усовершенствована [5]:

- православно-русский менталитет имеет тысячелетнюю историю, активно возрождается с конца 1980-х гг.; представляет ценности Бога, Духа, заповедей Христовых, святости, совести, собранности;

- коллективистско-социалистический – зарождается в крестьянской общине, рабочей артели, партийной ячейке; сформировался за три четверти века в СССР, выражает ценности коллективизма, социальной справедливости, труда на благо общества, утопической веры в коммунизм, заменившей религию;

- индивидуалистско-капиталистический (либеральный) – возник на Западе, постепенно проявляется в России, где сформировался в XIX в., возрождается (скорее, в одиозном виде) в наше время; репрезентирует ценности индивидуализма, упрощенного ра-

ционализма, личного успеха, прагматизма, денег как фетиша («абсолютной универсалии»);

- криминально-мафиозный – существовал всегда, порожден пороками людей; выражает вульгарный материализм и гедонизм, культ грубой силы и обмана, клановую иерархию, мифологию; в 1990-х гг. превратился в России в феномен «великой криминальной революции» (известный кинорежиссер С. Говорухин отрефлексировал его раньше, чем наши социальные ученые).

Помимо указанных четырех основных менталитетов следует назвать менталитеты других конфессий (прежде всего исламский, также активно возрождающийся в последние десятилетия), а также мозаично-эклектический псевдоменталитет как порождение стереотипов «массовой культуры», СМИ, рекламы, сетевых коммуникаций (конгломерат «осколков» указанных менталитетов), характерный для времени так называемого постмодерна.

Замечательное личностно-психологическое воплощение базовых российских менталитетов автор обнаружил в художественных образах романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»:

- глубоко верующий, одухотворённый инок Алёша Карамазов, активно выполняющий миссионерскую, нравственно-миротворческую роль;

- страстный, мятежный отставной офицер Дмитрий, стихийно взыскующий общественного идеала (советолог Р. Пайпс увидел в нём будущего большевика);

- рефлексивно-рационалистичный индивидуалист-богоборец Иван;

- их брат по отцу, маргинал-делинквент, отцеубийца (и вместе с тем ценитель европейского комфорта) Павел Смердяков, психологически зависимый от Ивана.

Если в советскую эпоху была предпринята попытка кардинального преобразования ментальной российской матрицы, сведения её только к одному ментальному типу – коллективистско-социалистическому – то в «перестроечное» и, тем более, в наше время эти ценностно-ментальные типы снова явственно обнаруживаются, естественно, изменившись в соответствии с реалиями иной эпохи. Рассмотрим их функционирование в современной молодёжной среде, памятуя что именно молодёжь определяет будущее лю-

бого общества, тем более, в аспекте духовно-нравственного кризиса, обычно происходящего именно на стыке веков.

В русле концепции идеальных типов М. Вебера можно дать следующие наименования современных базовых ментальных типажей российской молодёжи: молодой православный человек; молодой «левый» (коммунист или социалист); молодой индивидуалист-прагматик (либерал новой формации); участник «теневых», криминальных сообществ, а также представитель псевдоменталитета с эклектично-мозаичным умонастроением.

Конечно, молодой православный человек в России неоднозначен, но в идеале это образованный и энергичный священник или просто светский юноша (девушка), который (-ая) характеризуется искренней верой и соответствующими духовно-нравственными ценностями (стремление соблюдать христианские заповеди и традиции, патриотизм, семья, дети, любовь к отечественной культуре и языку). Такие молодые люди нередко участвуют в различных православных объединениях, движениях и клубах (например, в Санкт-Петербурге это Межвузовская ассоциация духовно-нравственного просвещения «Покров», Александро-Невский союз молодёжи, православный молодёжный клуб «Чайка», клуб «Трилистник» и др.).

Молодой левый коммунист / социалист, который исповедует ценности социальной справедливости, солидарности, коллективизма, общественно-полезного труда, обычно является членом «левых» партий и движений (Союз коммунистической молодежи, Авангард красной молодёжи, Федерация социалистической молодежи и др.).

Молодой либерал новой формации – обычно прагматик, направленный на карьерный успех, материальное благополучие, нередко фетишизирующий деньги, поклонник западной массовой культуры и обычно атеист. В силу выраженного индивидуализма представители этого менталитета не отличаются приверженностью к активной общественной деятельности (пожалуй, единственным более-менее крупным объединением подобной молодёжи является молодёжное отделение партии «Яблоко», правда, в последнее время злоупотребления на выборах разного уровня и внешнеполитическое стимулирование привели к оживлению политической деятельности молодых либералов в Москве и Петербурге).

Молодой участник «теневых» / криминальных сообществ. Представители этого менталитета по сравнению с «лихими 1990-ми» годами стали менее активны и заметны и основной характер их деятельности изменился, став более замаскированным и даже отчасти легитимизованным. Это уже не накачанные парни в чёрных кожаных куртках, а, скорее, не очень бросающиеся в глаза «деловые» люди, так сказать, бизнесмены со своеобразной ценностно-моральной сферой. Более заметными стали мигранты, представители этнического криминала.

И наконец, самый распространённый, псевдоментальный, типаж – это молодёжь с мозаично-эkleктическим изменчивым менталитетом, своеобразные современные обыватели, не имеющие определенного умонастроения и мировоззрения. Но это обыватели новой информационной эпохи, эпохи телевидения, интернета, мобильной связи, всепроникающей психологически изощрённой рекламы, которые непрерывно бомбардируются всевозможной информацией (вербальной, изобразительной, звуковой). Мозаично-эkleктический псевдоментальный человек – это порождение современного информационного общества потребления.

Поневоле возникает вопрос о пропорциях, соотношении, статистике менталитетов среди молодёжи (да и в обществе в целом). Автор не готов дать достаточно чёткий ответ. Однако, как показали данные репрезентативного социально-психологического исследования молодёжи в возрасте от 16 до 30 лет в Санкт-Петербурге (дек. 2002 г.), проведённого сотрудниками НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ под моим руководством, среди молодёжи можно выделить представителей всех четырёх базовых российских менталитетов, а также мозаичного псевдоменталитета [1]. Неожиданным оказался тот факт, что чаще всего среди молодёжи проявляется православно-российский тип ментальности – 17,2 % опрошенных (верующие молодые люди, имеющие выраженные духовно-нравственные установки). Среди представителей этого менталитета преобладают 20–29-летние девушки, студенты, рабочие и домохозяйки.

К коллективистско-социалистическому типу ментальности можно было отнести 8,8 % опрошенных молодых петербуржцев (это люди, ориентированные прежде всего на коллектив и справедливость). Среди них преобладают 25–29-летние мужчины, рабочие и гуманитарии.

Индивидуалистско-капиталистический менталитет был присущ всего 2,8 % опрошенных. Эти молодые люди считают себя индивидуалистами и ориентированы на деньги. К потенциально делинквентному, аморальному типу ментальности можно отнести не более 2,2 % опрошенных.

Таким образом, только 31 % молодых петербуржцев относились к представителям какой-то определённой ментальности. Более двух третей представителей молодёжи выражали мозаично-эклетический псевдоменталитет, то есть противоречивый, неопределённый конгломерат осознанных и неосознанных ценностей, норм и установок.

Другие репрезентативные социологические исследования молодёжи в целом, а также студентов в Петербурге и городах российской провинции, проведённые сотрудниками НИИКСИ в 2007–2010 гг. и не направленные специально на изучение полиментальности, тем не менее, свидетельствуют о преобладании элементов православного и коллективистского менталитетов при общем доминировании мозаично-эклетического менталитета. Анализ показывает, что сходство в ценностях и отношениях к различным нравственным проблемам гораздо выше у представителей православно-российского и коллективистско-социалистического менталитетов, чем между любым из них и индивидуалистско-капиталистическим (либеральным) менталитетом. В частности, в ценностях веры, справедливости и денег, в таких качествах, как патриотизм, уважение к собеседнику, любовь к чтению, осуждение сквернословия, неоправданного использования иностранных слов и надписей.

Наконец, в ходе исследования, проведенного в русле моего проекта, посвященного духовно-нравственным ценностям, в апреле 2013 г. (репрезентативная выборка для взрослого населения Петербурга от 18 лет – 1200 чел.) были получены новые данные. В частности, петербуржцы в целом по различным показателям продемонстрировали преимущественно ценности и нравственные установки, свойственные коллективистско-социалистическому и православно-российскому менталитетам. Среди семи базовых ценностей семья по-прежнему была на первом месте и впервые за более чем двенадцать лет исследований по данной методике ценность веры опередила ценность денег. Вместе с тем, число считающих себя верующими, религиозными людьми достигло 63 %, при этом православными себя называют 55 % петербуржцев (впрочем,

эти показатели ниже, чем по России в целом). Патриотами России считают себя 73,5 %, скорее коллективистами – 50 %, думают, что больше всего согласия и доверия между людьми было в Советском Союзе в 1960-е гг. – 70 % (в России XIX в. – 13 %, в современной России – 6 %); согласны с тем, что необходим нравственный контроль за содержанием телевизионных программ и рекламы – 86 % жителей Петербурга (рекордная цифра за более, чем двадцать лет наших исследований); считают, что очень богатые люди должны платить более высокие налоги, чем небогатые – 72 %. В ответ на вопрос: «Какое общество Вы хотели бы построить в России?» вариант «общество честных людей труда» выбрали 45 %, «общество веры и любви к ближним» – 31 % и «общество потребления и комфорта» – 9 % петербуржцев (см. табл.).

Таблица

Общество, которое хотят построить петербуржцы (данные в %)

Ценностные типы общества	Возрастные группы			В целом по выборке (n = 1207)
	18–29 лет	30–59 лет	60 лет и старше	
Общество честных людей труда	42,5	41,2	56,8	45,3
Общество веры и любви к ближним	27	35,3	24,8	30,8
Общество потребления и комфорта	19,5	8,7	1,0	9,4
Другое и затруднились ответить	11	14,7	17,3	14,5

Данные таблицы позволяют сделать вывод о том, что в желаемом обществе люди сознательно, а кто-то и неосознанно, хотят воплотить просоциальные (честность, труд) и православные (вера, любовь к ближним) ценности и менее всего – (уже более двадцати лет внушаемые СМИ и рекламой) ценности общества потребления. Здесь несомненно работают механизмы ценностно-ментальной саморегуляции, самосохранения российского общества. Вместе с тем очевидно, что мощный многолетний рекламно-информационный прессинг («брейнвошинг») в определенной мере влияет на молодежь, которая собственно и выросла в этой квазирыночной, вульгарно-потребительской атмосфере. Поэтому каждый пятый молодой человек выбирает потребление и комфорт.

Из всего вышеизложенного можно заключить, что в современной России среди базовых ментальностей у населения преоблада-

ют православно-российский и коллективистско-социалистический менталитеты, между которыми, несомненно, есть некая генетическая связь: вера в Бога и рай на небе трансформировалась в веру в харизматического вождя и «рай на земле», общинность христиан-крестьян превратились в советский коллективизм.

В настоящее время в российском обществе идёт ценностная идейная кристаллизация и дифференциация. После более чем двадцати лет «промывания мозгов» и перепрограммирования общественного сознания с помощью олигархических СМИ, рекламы, Интернета часть населения (чаще молодежь) выбирает деньги, не совсем легитимный бизнес и идеологию потребления. И в то же время большинство даже неосознанно всё-таки предпочитает духовно-нравственные и просоциальные ценности.

Вместе с тем очевидно, что кроме извечного противостояния законопослушных граждан и криминалитета, существуют проблемы в сфере социального согласия и социально-психологической совместимости и между другими представителями базовых российских менталитетов. В своё время это была идейная борьба между «почвенниками» и «западниками», затем уже физическая борьба, перешедшая в гражданскую войну между «белыми» и «красными». Ныне возникают и более сложные противоречия между условно говоря «белыми» (традиционалистами), «красными» (социалистами) и «голубыми» (либералами) – практически между представителями трёх базовых российских менталитетов.

Выход из создавшихся ценностно-ментальных противоречий может быть найден в некоем духовно-нравственном прозрении и консенсусе. В рациональном для одних и эмоциональном для других постижении жизни, мира и справедливости как высших ценностей, из которых и происходит социальное согласие. Даже морально индифферентные люди должны понять, что иначе всех, и их в том числе, ожидает конфликт, столкновение и, в худшем случае, в конце концов, взаимоуничтожение. По данным нашего всероссийского (за исключением Москвы) исследования молодежи в 2010 г. (выборка – 1980 старшеклассников, студентов и работающих), к ценностям-универсалиям молодёжи, на которые следует опираться в выстраивании согласия между представителями разных менталитетов относятся семья (процент выбора у «просоциальной молодежи» – 85,9 %, у «верующих» – 86,2 %, у «либералов» – 82,8 %), здоровье (соответственно, 73,3; 73,8 и 75,9 %), друзья (63,6; 62,4 и 64,5 %).

Примеры согласия представителей базовых российских менталитетов (конечно, за исключением криминального) имеются. Например, в совместных выступлениях петербуржцев против строительства в близком к центру города месте (напротив Смольного собора, высота 92 м) дисгармонично агрессивной (некий «штык», «сверло в небо») сверхвысокой башни «Газпрома» (свыше 400 м), в которых приняли участие и либералы, и «левые», и христиане (по крайней мере, половина всех участников – молодёжь). Ценность гармонии, классической красоты города восторжествовала. А ведь рассуждая философски, гармония – это и есть наглядно выраженная справедливость, согласие, а социальная несправедливость – та же дисгармония, порождающая хаос и конфликт.

В заключение необходимо сказать о том, что мир переживает очередной не только экономический, но прежде всего духовно-нравственный кризис. Появился термин «социальная турбулентность», характеризующий неустойчивость, непредсказуемость, потенциальную катастрофичность социальной среды. При этом невозможно не вспомнить о великолепной работе П.А. Сорокина «Кризис нашего времени», изданной в 1941 г. [10]. По моему мнению, этот кризис фактически и не прекращался, всё более глобализуясь, захватывая всё новые страны и регионы, в том числе добравшись и до России. Одним из значимых проявлений данного кризиса выступила и так называемая сексуальная революция, которой Сорокин посвятил свою книгу «Американская сексуальная революция», вышедшую в 1956 г. [11] и ставшую по сути продолжением «Кризиса нашего времени». Очень поучительно читать как происходившее в США в 1950-х гг. – буквально воспроизводилось в нашей стране, начиная со второй половины 1980-х гг. и вплоть до современной попытки легитимизации российского «содомизма». А ныне возникла новая глобальная криминально-психологическая «зараза» – стрельба маньяков, «передающаяся» через СМИ и интернет из страны в страну.

К сожалению, пророки обычно остаются неслышанными, даже если они используют вполне доказательную, даже научную аргументацию. Не был услышан Питирим Сорокин, не были услышаны и наши пророки А.И. Солженицын, Д.С. Лихачев, В.Г. Распутин, вызывавшие о надвигающейся моральной катастрофе в стране. Но было бы ошибочно думать, что усилия пророков напрасны. Нет, без их подвижничества – нашего осознания и гражданской активности не наступило бы, может быть, вообще никогда. Хорошие идеи воспринимаются народом. Наше репрезентативное исследование, прове-

денное в апреле 2013 г., впервые зафиксировало тот факт, что петербуржцы восприняли и поняли значение духовно-нравственных факторов. Отвечая на вопрос: «Что более всего будет способствовать позитивному развитию российского общества?», они на первое место поставили не «экономическую модернизацию» (28,3 %), а «духовно-нравственное воспитание молодежи» (50,6 %).

Результаты анализа современной ситуации в нашем российском обществе в очередной раз приводят к пониманию ключевой, системообразующей роли духовно-нравственных факторов, необходимости морального оздоровления, духовного преображения страны, соответствующего воспитания молодежи. Поэтому главным национальным проектом в стране должен стать проект «Духовно-нравственное преображение России», без которого никакое настоящее развитие невозможно. Более того, автор вслед за Альбертом Швейцером и Питиримом Сорокиным, полагает, что подобный проект духовно-нравственного оздоровления необходим и всему миру, в том числе и так называемым развитым странам.

Список литературы

1. Положение молодежи в Санкт-Петербурге / под ред. В.Е. Семёнова. – СПб., 2003.
2. Психологические исследования духовно-нравственных проблем / отв. ред. А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич. – М.: Изд-во ИП РАН, 2011.
3. Психология нравственности / отв. ред. А.Л. Журавлёв, А.В. Юревич. – М.: Изд-во ИП РАН, 2010.
4. Семёнов В.Е. Духовно-нравственные ценности – главный фактор возрождения России // Россия сегодня: новые горизонты сознания / отв. ред. В.Н. Келасьев. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. С. 28–41.
5. Семёнов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Вестн. СПбГУ. – Сер. 6. – 1997. – Вып. 4. – С. 59–67.
6. Семёнов В.Е. Российская полиментальность и умонастроения современной молодёжи // Молодёжная политика XXI века: Стратегия выбора (материалы Всерос. науч.-практ. конф.). – СПб., 1999. – С. 35–37.
7. Семёнов В.Е. Ценностные ориентации современной молодёжи // Социологические исследования. – 2007. – №4. – С. 37–43.
8. Семёнов В.Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
9. Семёнов В.Е. Духовно-нравственные ценности и воспитание как важнейшие условия развития России // Психолог. журн. – 2011. – Т. 32. – № 5. – С. 92–96.
10. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: ИПЛ, 1992.
11. Сорокин П.А. Американская сексуальная революция. – М.: Проспект, 2006.
12. Социально-психологические проблемы нравственного воспитания личности / под ред. В.Е. Семёнова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.

Психологический анализ социальных представлений русских

В статье рассматривается динамика социальных представлений русского народа на протяжении последних 20 лет. Показано, что основным содержанием социокультурного пространства являются социальные представления. Социальные представления устойчивы, но изменения общественной жизни приводят к их трансформации.

The article is devoted to the dynamic of social representations of Russians during the last 20 years. It's shown that the main content of the sociocultural space is social representations. Social representations are stable but the changes of social life can lead to their transformation.

Ключевые слова: социальные представления, социокультурное пространство, феномен социального, когнитивная категоризация.

Key words: social representations, sociocultural space, phenomenon of social, cognitive categorization.

Для осмысления своего бытия и достижения согласия друг с другом люди создают социокультурное пространство. Формирование такого пространства происходит в процессе когнитивной категоризации окружающего мира. В результате формируется феномен социального, который в культуре представлен нормами, ценностями, смыслами. Для эффективной регуляции социального поведения создается смысловое пространство, которое предназначено для отличия членов своей культуры от членов чужой. Появление единого смыслового пространства сопровождается выработкой идеалов, норм, ценностей, социальных представлений. Именно ценности и единые социальные представления являются тем смысловым конструктом, который объединяет и скрепляет членов этнокультурной общности, определяет то, как они интерпретируют свое прошлое и будущее.

Понятие культура является самым трудно определяемым в науке из-за его многоаспектности. Формирование единого понимания смысла жизни людей, принадлежащих к одной общности, является основным предназначением культуры. Осмысленность жизни придает единая система социальных представлений, связанная с цен-

ностями, целями и средствами их достижения. В едином смысловом социокультурном пространстве люди в процессе с категоризации идей и предметов структурируют мир в своем сознании. Окружающие люди, идеи, предметы, природа обретают смысл и значение. «Роль культуры, – писал М. Вебер, – заключается в придании смысла и значения отдельным человеческим жизням в окружающем бессмысленном универсуме» [4, с. 21].

Согласно нашей концепции социокультурные общности формируются на основе воспроизводства психическим миром мира социального. Так человечество создает культурный мир с целью образования единой системы взаимоотношений в общности, единого смыслового поля, регуляции осознанного и бессознательного взаимопонимания и взаимоотношений членов общности между собой. Специфика любой человеческой общности, прежде всего, зависит от вида социального. Социальное выступает в качестве необходимого условия взаимопонимания людей, живущих в едином смысловом социокультурном пространстве. В то же время социальное создает барьеры для взаимопонимания людей, использующих для жизни различные смысловые пространства.

Человек преследует двойные цели, осуществляя категоризацию окружающих людей на своих и чужих. Во-первых, он старается добиться взаимопонимания в едином смысловом пространстве, взаимодействуя с теми, кого он отнес к категории «мы». Во-вторых, он старается сохранить свою неприкосновенность и безопасности, оказываясь в ином смысловом пространстве, вступая во взаимодействие с теми, кого он отнес к категории «они» – чужими. С этой точки зрения социальное следует понимать как когнитивный процесс категоризации окружающего социального мира с целью создания, поддержания и сохранения единого смыслового пространства для наиболее эффективного взаимодействия со своими и недопонимания и охраны определенной границы при общении с чужими. Создание тайных смыслов, ясных для своих и непонятных для чужих, является главным предназначением социального как когнитивного конструкта. Особые тайные смыслы хранятся в средствах вербальной и невербальной коммуникации. Единое смысловое пространство – это порождение культуры. Главной функцией социального является создание критериев отбора того, кого можно допускать в это смысловое пространство, а кого следует остерегаться. Единое

смысловое пространство необходимо человеку не только для различения своих и чужих, но и для наиболее эффективной регуляции социального поведения.

Социальная категоризация – это способ познания окружающего мира с помощью классификации и типизации предметов с использованием наиболее общего понятия, выражающего одно из основных отношений бытия. Категоризация возникает на основе социальной установки и осуществляется в четырех направлениях. Во-первых, категоризация в отношении природы и окружающих вещей. Во-вторых, в отношении людей, формируя систему отношений «мы и они», «свои и чужие», ауто- и интрогруппы». В-третьих, в отношении самого себя, формируя социальную идентичность личности, осознание принадлежности к определенной этнокультурной и социальной общности. В-четвертых, категоризация осуществляется в отношении идей, причем, именно таким образом формируется система социальных представлений, ценностей и ценностных ориентаций, норм, идеологии.

Феномен социального создается людьми в целях регуляции поведения. Объединяя биологическую, собственно социальную и психическую сущности человека в единое целое, социальное воздействует на поведение на четырех уровнях регуляции: биологическом, личностном, групповом и общественном. Регуляция поведения на биологическом уровне осуществляется социальными инстинктами, например стадным инстинктом. Но для человека, живущего в сложном, постоянно меняющемся социальном мире биологической регуляции недостаточно. У человека по сравнению с животными регуляция поведения усложняется, появляется возможность контролировать инстинктивные импульсы посредством воли. На личностном уровне за регуляцию поведения ответственна система диспозиций (установки, экспектации, атрибуция, мотивация, направленность). На групповом уровне требуется регуляция непосредственного взаимодействия, что и осуществляется системой ролей и статусов личности в группе. На общественном уровне возникает необходимость регуляции опосредованного взаимодействия. Жизнь общества обеспечивается таким регуляторами как нормы, ценности, правила, законы. Инстинкты подчиняются волевому регулированию, перестают играть ведущую роль и занимают второстепенное, теневое положение.

Наша концепция состоит в следующем: целостное поведение человека определяется тремя вариантами проявления социального: социальные инстинкты, социальное взаимодействие и социальная категоризация окружающего природного, социального и психического мира. Интегрируя в себе три ипостаси социального, социокультурные общности становятся активными субъектами исторического процесса. В истории человечества природа социального последовательно разворачивается: инстинкты уступают место социальному взаимодействию, которое в свою очередь все больше и больше зависит от социальной категоризации.

Возникновение у человека чувства принадлежности к социо- и этнокультурной общности опирается на множество признаков – маркеров этничности. К ним относятся кровнородственные связи, язык, общая символическая среда, стереотипы восприятия, поведения и интерпретации поведения, внешность, общность исторической судьбы и пр. [10]. Однако какой бы маркер мы не взяли в качестве предмета научного анализа, при ближайшем рассмотрении он оказывается когнитивным конструктом социальной категоризации окружающего мира.

Ядром человеческой культуры являются ценности, а одним из способов их сохранения предстают социально-психологическая граница и дистанция во взаимоотношениях с другими общностями. Граница и дистанция позволяют обезопасить единое смысловое пространство от вторжения со стороны.

В настоящее время важной научной задачей является изучение психологии русского народа. В зарубежной культурной антропологии славянскую душу изучали Дж. Горер, К. Клакхон, М. Мид, Э. Эрикссон. В России изучением русской этнокультурной общности занимаются Ю.В. Арутюнян, А.О. Бороноев, Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев, Л.М. Дробижева, И.С. Кон, Н.М. Лебедева, В.Е. Семенов, З.В. Сикевич, П.И. Смирнов, Г.У. Солдатова, П.А. Сорокин, Т.Г. Стефаненко, А.А. Сусоколов и пр.

Психологический портрет русского народа крайне противоречив. Разные авторы в качестве критериев описания психологии народа опираются на разные критерии. Поэтому крайне трудно составить обобщенный портрет народа. Мы считаем, что поскольку ядром социокультурной общности является система социальных представлений и ценностей, то наиболее перспективным будет изучение психологии народа с позиций этого подхода.

Теорию социальных представлений разработал французский психолог С. Московичи. Он считал свою теорию уникальной, так как она обнаруживает глубинную природу социально-психологических явлений. По мнению С. Московичи, общество формируется не через простое наличие социальности, которое способствует организации людей по иерархии власти или взаимных интересов. Для того чтобы власть и интересы стали признанными, обществу необходимы представления и ценности, придающие им смысл, объединяющие людей. Социокультурная общность сохраняется и развивается не столько знаниями и технологиями, сколько мнениями, символами, ритуалами. Должны быть общие представления о том, что такое общественная жизнь, в каком направлении она развивается, как следует себя вести, что является справедливым, истинным, прекрасным. Социальные представления аккумулируют энергию общности. Они являются силой, позволяющей преобразовывать людей из пассивных членов сообщества в активных участников взаимодействия. Общество приходит в упадок, если разрушаются социальные представления. Значимые убеждения, знания и социальные представления образуются в процессе взаимодействия людей и укрепляются в определенных социальных структурах. Социальные представления – это основной элемент общественного сознания, который выражает способ осмысления себя в своих взаимоотношениях с миром. Социальные представления включены в сознание каждого человека, господствуют над ним изнутри. Этим они отличаются от верований и обычаев, которые воздействуют на сознание извне. Функцией социальных представлений является сплочение и активизация людей, создание солидарности [9; 11].

На протяжении нескольких лет мы изучаем динамику социальных представлений. Исследование включало два этапа. На первом этапе с 1991 г. по 2001 г. нами было опрошено 615 чел. русской национальности в возрасте от 19 до 45 лет, проживающих в разных городах России (С.-Петербург, Мурманск, Тольятти). Цель исследования состояла в изучении системы коллективных представлений русских респондентов о своем народе. Метод исследования – свободное приписывание характеристик. Задавался открытый вопрос: «Каковы 10 характерных, по Вашему мнению, черт русского народа?» Таким образом было получено 6150 характеристик. Следует учитывать, что респонденты называли ряд этнических автостереотипов. Задача исследователя состояла в преобразовании стереотипов в коллективные представления. Для этого проводилась

социально-психологическая экспертиза и полученные характеристики были подвергнуты контент-анализу. Категориями контент-анализа выступали смысловые единицы – автостереотипы восприятия и сформированные в этногенезе типичные черты личности. Эти категории группировались в пять блоков. В качестве критерия классификации была избрана базовая ценностная ориентация русского этноса. Экспертами при проведении контент-анализа были студенты факультета психологии СПбГУ. В процентах показана доля конкретных социальных представлений в общем наборе представлений. Определился следующий автопортрет русского народа:

1. Коллективистическая ориентация (45,52 %). На основе этой глубинной имплицитной ориентации формируются такие стереотипы поведения и черты личности, как гостеприимство, взаимопомощь, щедрость, терпимость, доверчивость. Ориентация на коллективность является традиционной для русского народа. Коллектив (до XX в. – крестьянская община, «мир»,) рассматривался русскими как основа и предпосылка существования члена общины. В России на протяжении исторического развития постепенно складывались коллективная система труда и коллективный образ жизни (колхозы, артели). Неслучайно в XX в. русские философы, психологи и педагоги много внимания уделяли изучению коллективов, их формированию и развитию.

2. Ориентация на духовные ценности (28,29 %). Многие философы писали о духовности русского народа. Духовность противопоставлялась ориентации на материальные ценности – деньги, богатство. В системе социальных представлений россиян сложилось мнение, что ориентация на материальные ценности не является доминирующей. Русские предпочитали духовные блага материальным. На основе духовности у русских возникли такие автостереотипы и личностные черты, как широта души, альтруизм, совестливость, мудрость, талантливость, философское восприятие жизни.

3. Ориентация на справедливость (12,85 %). Эта ориентация показывает человеческие взаимоотношения и связана в большей степени с моралью, чем с правом и законом. Русские люди чаще поступают в соответствии с субъективно понимаемой ими справедливостью, чем в соответствии с объективным правом и законом. Закон есть объективированная справедливость. Отсюда возникают такие стереотипы поведения, как формальное законопослушание и конформизм – внешнее согласие с мнением окружающих людей при

глубоком внутреннем осознании своей правоты. Отдельный опрос 215 сотрудников МВД С.-Петербурга показал, что и при исполнении служебных обязанностей они довольно часто ориентировались на субъективно понимаемую справедливость, чем на требования закона. Из описанных ими ситуаций 36 % сотрудники милиции отнесли к действиям по справедливости в противоположность требованиям закона. Это свидетельствует о том, что в российской культуре сложилась нестандартная ситуация внутренней правовой противоречивости. Многие авторы отмечают наличие правового нигилизма в отношении права [2; 3]. В западной же культуре, как отмечают многочисленные авторы [1; 5; 6; 8], утвердился стереотип поведения, требующий не просто формального, но и неформального законопослушания.

4. Ориентация на лучшее будущее (10,24 %). Русские люди в большинстве своем – оптимисты. Чаще всего они выражают надежды на то, что все образуется само собой. Отсюда возникают такие стереотипы поведения, как необязательность, бесхозяйственность, безответственность, неорганизованность, беспечность, лень, непрактичность, но в то же время – выносливость и долготерпение. Опрошенные нами люди ожидали улучшения экономического, политического, морального состояния общества в будущем. Люди западной культуры, по мнению О. Тоффлера, переживают особое психологическое состояние – «боязнь будущего», которое он обозначил термином «футуршок» [12]. В своих исследованиях мы не фиксировали «боязни будущего», напротив, отмечались оптимизм и надежда на улучшение социальной ситуации.

5. Ориентация на быстрое решение жизненно важных проблем (3,1 %). Поведенческие стереотипы, которые отмечают респондентами, – это умение быстро собраться и организовать в экстремальной ситуации, трудовой героизм, жертвенность, привычка к авралу. В западной культуре люди привыкли методично трудиться для достижения цели. Россияне же в большей степени надеются на «авось», на то, что все образуется само собой.

Социальные представления россиян о самих себе многообразны. Психологический автопортрет противоречив. В нем сочетаются диаметрально противоположные представления и стереотипы. Например, лень и трудолюбие, безответственность и трудовой героизм, надежда на «авось» и умение собраться в кризисной ситуации. Эти базовые социальные представления определяли специфику социокультурного самосознания и подсознания русских в конце XX в.

Изучая динамику социальных представлений мы проводили опрос 576 респондентов по той же схеме с 2003 по 2013 г. В начале XXI в. от россиян потребовалось новое осмысление общественной жизни, своей роли в этой жизни, своего поведения. В результате проведенного анализа социальные представления россиян о своем народе выразились в следующем:

1. Ориентация на сочетание коллективизма и индивидуализма (27,8 %). Появление ориентации на индивидуализм, особенно в молодежной среде, связано с появлением новых условий социальной жизни. В результате этой ориентации возникают позитивные качества личности: ответственность, организованность, стремление получить хорошее образования [7]. Однако исключительно индивидуалистические ориентации приводят к утрате сплоченности, социальной солидарности и активности, отсутствию «чувства локтя», надежды на взаимопомощь, доверия друг к другу, повышению чувства одиночества, эгоцентризма.

2. Ориентация на материальные ценности (31,4 %) стала доминирующей ориентацией в нашем обществе. В системе ценностей, русского народа, измеренных нами по шкале С. Шварца [9], духовность находилась в конце списка и занимала ранг одной из отвергаемых ценностей, наряду с ценностями власти, влияния и отваги. С одной стороны, это сдвиг в позитивную сторону. Русские люди стали ориентироваться на заработок, получение прибыли в своей бизнесе. С другой стороны, утрата ориентации на духовность приводит к спаду интереса к литературе, живописи, музыке и пр. Мягкая славянская культура становится более жесткой и прагматичной в плане межличностных отношений в обществе.

3. Ориентация на справедливость (20,3 %). Эта ориентация сохранилась в системе социальных представлений, количество суждений о необходимости справедливости возросло. В настоящее время люди остро чувствуют несправедливость, рост социального неравенства и коррупции.

4. Ориентация на лучшее будущее (10,5 %). В последнее десятилетие общественное настроение россиян изменилось, особенно, в последние три года. Респонденты отмечают такие настроения, как «боязнь будущего», опасения за жизнь, обучение и карьеру своих детей. Надежды на хорошее будущее часто сопровождаются чувствами страха. Люди беспокоятся за свою безопасность, опасаются мигрантов, боятся потерять работу и деньги в ситуации глобального экономического кризиса. Появление таких настроений является очень тревожным симптомом в оценке перспектив личностного и общественного развития.

5. Ориентация на быстрое решение жизненно важных проблем (10 %). Респонденты надеются на то, что экономический кризис их не коснется, все образуется «само собой». Сохранение такой ориентации в системе российских социальных представлений свидетельствует и о том, что люди готовы в экстремальной ситуации приложить все усилия для преодоления неблагоприятных условий.

Быстрые изменения в общественной жизни способствуют трансформации социальных представлений. В последнее десятилетие произошли кардинальные изменения общественного сознания. Российская культура стремительно меняется. Люди, особенно молодежь, стали большими индивидуалистами по сравнению со своими отцами и дедами. Они более остро ощущают социальную несправедливость и ориентированы на материальные ценности достатка. В прошлое уходит особая духовность русского народа, так ярко описанная и ценимая российскими философами. Растет чувство одиночества и боязнь будущего. Однако в русских сохранилась уверенность в том, что они смогут собраться и организовать для преодоления трудностей, для достижения высоких результатов.

Социальные представления – это устойчивый ментальный конструкт, возникающий в процессе когнитивной категоризации окружающего мира с целью создания единого смыслового социокультурного пространства для оптимальной регуляции социального поведения. Изменения в общественной жизни способствуют некоторой трансформации социальных представлений.

Список литературы

1. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. – М., 1998.
2. Безносов Д.С. Сознание: установки, отношения, нормы. – СПб.: Изд-во СПбУ, 2007.
3. Безносов С.П. Профессиональные деформации личности // Вестн. СПбУ МВД России. – 2012. – Т. 55. – № 3. – С. 167–171.
4. Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психолог. журн. – 2000. – Т. 21. – № 3.
5. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 2006.
6. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. – СПб., 2000.
7. Мироненко И.А. О классификации концепций личности и имплицитных основаниях психологических теорий // Вопр. психолог. – 2006. – № 3. – С. 95–105.
8. Овчинников В. Сакура и дуб. – М.: Дрофа Плюс, 2006.
9. Почебут Л.Г. Социальные общности. Психология толпы, социума, этноса. – СПб.: Изд-во СПбУ, 2005.
10. Сикевич З.В. Социологическое исследование. Практическое руководство. – СПб.: Питер, 2005.
11. Социальная психология / под ред. С. Московичи. – СПб.: Питер, 2007.
12. Тоффлер А. Футуршок. – СПб., 1997.

И. С. Клёцина, Е. А. Чикалова

Взаимосвязь норм маскулинности и социальных представлений о содержании поведения в рамках отцовской роли

Представлены результаты эмпирического исследования социальных представлений молодых мужчин о содержании поведения в рамках отцовской роли. Дается целостная характеристика изучаемого социально-психологического феномена, раскрывается его содержание и взаимосвязь с нормами маскулинности.

This article reports on the results of empirical research of social representations of young men about the fathers' role. It presents the complete characteristic of a socio-psychological phenomenon that is being researched. It describes items and analyzes correlations with the attitudes on masculinity norms.

Ключевые слова: отцовство, социальные представления о поведении в рамках отцовской роли, отношение к нормам маскулинности.

Key words: fatherhood, social representations about the fathers' role, attitudes on masculinity norms.

Исследования семейных, супружеских и детско-родительских отношений достаточно широко представлены в рамках современной психологии. Анализ исследований проблематики отцовства, литературы демонстрирует, что в рамках отечественного психологического знания изучение данного феномена ведётся по следующим основным направлениям: влияние стилей воспитания отца, его психологических и эмоциональных характеристик на личность ребёнка [2; 8; 16] и роли отцовства на развитие личности самих мужчин [4–6]; выявление и характеристика образов отца и представлений об отцовстве [2; 15].

В то же время в современной ситуации семейные отношения значительно изменяются, наполняются новым содержанием (трансформация родительских ролей, появление новых моделей отцовского поведения, предполагающих активное участие мужчины в воспитании детей) [1; 10; 12]. В отечественной психологии исследование феномена отцовства в ракурсе социальных изменений и в контексте обусловленности существующими в обществе нормами маскулинности только начинают появляться [10; 12–14; 17]. Значительный опыт исследований в этой сфере накоплен за рубежом [18; 21; 23; 26; 28; 29]. Характеризуя современное состояние фено-

мена отцовства, как зарубежные, так и российские исследователи выделяют следующие ключевые тенденции:

- отцовство претерпевает значительные трансформации (они описываются в терминах «модернизации» [23], «детрадиционализации», «индивидуализации» [29]);

- суть изменений заключается в пересмотре традиционной роли отца как кормильца, добытчика, персонификатора власти [21], в расширении отцовской роли за счёт увеличения степени отцовской вовлечённости в заботу о ребёнке (появление «ответственного» [10; 20], «вовлечённого» [25; 28], или «рефлексивного» [29] отцовства);

- изменения касаются как поведения в рамках отцовской роли, так и идеально-нормативных представлений об отцовстве; трансформации феномена отцовства являются частью изменений более широкого плана, в частности, они тесно переплетены с трансформацией норм маскулинности [10; 11; 14; 18; 26; 29].

Целью исследования является характеристика социальных представлений молодёжи о содержании отцовской роли, а также выявление характера взаимосвязи социальных представлений о содержании поведения в рамках отцовской роли с нормами маскулинности.

Сбор эмпирических данных проводился методом анкетирования. Выборку (N=169) составили мужчины в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст – 20 лет), не состоящие в браке, не имеющие детей, обучающиеся в вузах Смоленска и Санкт-Петербурга.

Результаты исследования установок молодых людей в отношении норм маскулинности

Изучение установок в отношении норм маскулинности проводилось с помощью опросника «Мужские нормативные установки» («The Male Attitude Norms Inventory-II») [24, p. 226–228], переведённого и адаптированного для русскоязычной выборки И.С. Клёциной. Концептуальной основой опросника выступили идеи, развиваемые в рамках мужских исследований [13; 17; 22; 27]. В соответствии с ними маскулинность рассматривается как множественный феномен, признаётся его социально конструируемый характер, обращается внимание на иерархичность разных моделей маскулинности. Основным объектом критики выступает концепт гегемонной (традиционной) маскулинности, задающей жёсткие рамки мужского поведения в разных сферах жизни [3; 19; 27]. Данная модель маскулинности в современных условиях зачастую не отвечает требованиям времени и не всегда продуктивна [10; 11].

Структура нормативного канона маскулинности представлена следующими основными компонентами: *жесткость, твердость; опора на собственные силы; ориентация на достижения и высокий социальный статус; принятие безличной сексуальности; гомофобия*. Они соответствуют шкалам опросника. Основные статистические показатели опросника представлены в табл. 1.

Таблица 1

Статистические показатели по шкалам опросника
«Мужские нормативные установки»

Шкалы	Статистические показатели			
	M	SD	Min	Max
Жесткость	5,75	1,95	0	9
Опора на собственные силы	5,05	2,00	0	9
Ориентация на достижения	5,85	2,02	0	9
Принятие безличной сексуальности	2,96	1,24	0	5
Гомофобия	4,22	2,12	0	8
Нормативность	23,82	6,93	3	37

Примечание. M – среднее; SD – стандартное отклонение; Min – минимум, Max – максимум.

Шкалы «Жесткость», «Опора на собственные силы» и «Ориентация на достижения» отражают выделяемые исследователями (R. Brannon, M. Kimmel, M. Messner и др.) базовые компоненты модели традиционной маскулинности [24; 27]. В качестве примера приведём некоторые суждения опросника, соответствующие данным шкалам: «Мужчины, которые плачут на людях, слабы» (*жесткость*); «Если мужчина поранился, он не должен позволить другим заметить, что ему больно» (*опора на собственные силы*); «Мужчины участвуют в играх, чтобы побеждать» (*ориентация на достижения*) [24, p. 226–228].

Для раскрытия ещё одного компонента традиционной нормативной маскулинности используется шкала «Гомофобия». Гомофобия выражается, с одной стороны, в страхе и ненависти к гомосексуалам, а, с другой стороны, в боязни утратить мужественность, быть принятым за гея [9, с. 41]. Она тесно связана с «разделением» мужчин на «настоящих» и «ненастоящих», не вписывающихся в идеалы и нормы традиционной мужественности.

Шкала «Принятие безличной сексуальности» сконструирована на основе стереотипного представления о том, что эмоциональность, а также проявление нежности, заботы неприемлемы для мужчин. Это значимо отражается на характере сексуальных взаи-

модействий, которые обезличиваются, лишаются интимности, что приводит к повышению неудовлетворённости, а также может иметь негативные последствия для мужского здоровья [7].

Шкала «Нормативность» представляет собой суммарный показатель по пяти предыдущим шкалам и отражает уровень приверженности нормам *традиционной маскулинности*. На основе показателей среднего значения ($M=23,82$) и стандартного отклонения ($SD=6,93$) по шкале «Нормативность», вся выборка респондентов ($N=169$) была разделена на три группы с разной степенью приверженности нормам *традиционной маскулинности* (табл. 2).

Таблица 2

Распределение респондентов с разной степенью приверженности установкам в отношении норм традиционной маскулинности (%)

Группы	Степень приверженности нормам традиционной маскулинности	Доля респондентов, %
1	Низкая	14,8
2	Средняя	65,7
3	Высокая	19,5

Респонденты с низкой степенью приверженности традиционной модели маскулинности составили 14,8 % от всей выборки. Показатели по шкале «Нормативность» у представителей данной группы находятся в пределах от минимального значения ($Min=3$) до нижней границы разброса среднего значения ($M-SD$). Группа респондентов, характеризующихся средней степенью приверженности нормам традиционной маскулинности, включает 111 человек (65,7 %), показатели которых попали в интервал, соответствующий одному стандартному отклонению ($SD=6,93$) от среднего значения ($M=23,82$) по выборке ($M\pm SD$). Третья группа представлена респондентами, для которых характерна высокая степень приверженности нормам традиционной маскулинности (19,5 %, $n=33$). Показатели по шкале «Нормативность» у молодых людей, принадлежащих данной группе, находятся в интервале от верхней границы разброса среднего значения ($M+SD$) до максимального значения по выборке ($Max=37$).

В соответствии с задачами исследования целесообразно представить основные характеристики крайних групп (группа, включающая респондентов со средней степенью приверженности нормам традиционной маскулинности, далее не рассматривается).

Респонденты, демонстрирующие высокие показатели по шкалам опросника, ориентируются на нормы *традиционной маскулинности*. Это означает, что в качестве руководящих принципов, на основе которых конструируется взаимодействие представителей данной группы с окружающими, выступают жёсткость, стремление обладать высоким социальным статусом, автономия, нацеленность на доминирование, обладание властью, психологическая и физическая стойкость. Эти требования не подлежат обсуждению, пересмотру, они являются жёстко закреплёнными, поэтому любые вариации или отклонения считаются неприемлемыми и, как правило, пресекаются.

Представители с низкими показателями по опроснику, в своём поведении ориентируются на нормы *модернизированной маскулинности*. В отличие от традиционной, данная модель предполагает меньшую нормативность, отсутствие жёстких стандартов и требований поведения, характеризуется гибкостью и больше соотносится с индивидуальными особенностями личности [10–12].

*Характеристика взаимосвязи социальных представлений
о поведении в рамках отцовской роли с нормами
традиционной маскулинности*

Для изучения социальных представлений об отцовском поведении авторами была разработана анкета «Социальные представления о содержании поведения в рамках отцовской роли». Исследователи [10; 11; 23; 25; 28; 29] отмечают, что содержание поведения в рамках отцовской роли может быть раскрыто через такой феномен, как отцовская вовлечённость, и предлагают выделять следующие её основные параметры:

- взаимодействие, которое заключается в том, что отец самостоятельно, без чьего-либо посредничества контактирует с ребёнком, проводит с ним свободное время;
- доступность – возможность реагировать на потребности ребёнка в условиях одновременной включённости в другую деятельность;
- ответственность, подразумевающая направленность на содействие благополучию детей, осведомлённость о потребностях детей и деятельность по их удовлетворению.

Указанные параметры раскрываются через показатели, детализирующие содержание отцовского поведения. Каждый из показателей включает три возможных градации, соответствующие высокому, среднему или низкому уровню отцовской вовлечённости. Детальное содержание указанных параметров представлено в табл. 3.

Таблица 3

Содержание параметров, характеризующих поведение
в рамках отцовской роли

Параметры	Показатели	Уровень отцовской вовлечённости		
		Высокий	Средний	Низкий
Взаимодействие	Характер взаимодействия	Непосредственное	Частично-опосредованное	Опосредованное
	Стиль взаимодействия	Равноправный	Равноправный или доминантно-зависимый	Доминантно-зависимый
Доступность	Физическая доступность	Постоянная	Ситуативная	Недоступность
	Психологическая доступность	Эмоциональная близость	Умеренная эмоциональная близость	Эмоциональная дистанцированность
Ответственность (когнитивный компонент)	Осведомлённость	Высокая	Средняя	Низкая
	Личностная значимость	Высокая	Средняя	Низкая
Ответственность (поведенческий компонент)	Содержание ответственности отца в семье	Деятельность по материальному обеспечению семьи		
		Может не являться основной ответственностью отца	Скорее, является основной ответственностью отца	Обязательно является основной ответственностью отца
	Содержание ответственности матери в семье	Вклад матери в деятельность по материальному обеспечению семьи		
		Не меньше чем у отца	Не превышает отцовский вклад	Значительно меньше отцовского
	Степень ответственности отца и матери за воспитание и развитие ребёнка	Вклад отца в воспитание и развитие ребёнка		
		Должен быть не меньше материнского	Не превышает материнский	Значительно меньше материнского
	Степень ответственности отца и матери за повседневную заботу о ребёнке	Вклад отца в повседневную заботу о ребёнке		
		Должен быть не меньше материнского	Не превышает материнский	Значительно меньше материнского
	Степень ответственности отца и матери за заботу о маленьких детях	Вклад отца в деятельность по уходу за маленькими детьми		
		Должен быть не меньше материнского	Не превышает материнский	Значительно меньше материнского

Поясним содержание табл. 3 на примере параметра «Взаимодействие». Данный параметр раскрывается через два показателя: «характер взаимодействия» и «стиль взаимодействия». Первый отражает степень опосредованности взаимодействия отца с ребёнком. Низкая степень опосредованности взаимодействия означает, что отец достаточно часто самостоятельно, без помощи со стороны матери контактирует с ребёнком. Такой характер взаимодействия свидетельствует о высокой степени отцовской вовлечённости. Средняя степень опосредованности представляет собой промежуточный вариант и соответствует средней степени отцовской вовлечённости. Высокая степень опосредованности означает, что отец, как правило, избегает прямых контактов с ребёнком, взаимодействуя опосредованно, через мать (низкая отцовская вовлечённость). *Стиль взаимодействия* характеризует специфику отцовско-детских отношений в континууме «равноправный стиль – доминантно-зависимый стиль». Основанный на равенстве стиль взаимодействия является индикатором высокой степени отцовской вовлечённости, а доминантно-зависимый соответствует низкому уровню отцовской вовлечённости.

Смысловое содержание выделенных показателей раскрывалось через утверждения, которые отражали социальные представления о поведении в рамках отцовской роли. Например, для выявления степени опосредованности отцовского взаимодействия использовалось утверждение анкеты «Обычно реальные взаимоотношения отца с детьми большей частью осуществляются при посредничестве матери»; для определения степени осведомлённости (*ответственность, когнитивный компонент*) «Отцу всегда следует знать, чего можно или нельзя ожидать от ребенка в его возрасте» и т. п. Респонденты оценивали степень согласия с предложенными утверждениями, выбирая один из пяти вариантов: «совершенно согласен», «скорее согласен, чем не согласен», «трудно сказать», «скорее не согласен, чем согласен», «совершенно не согласен». Для выявления степени отцовской вовлечённости ответы респондентов переводились в баллы. В результате для всех респондентов были подсчитаны данные по каждому из показателей поведения в рамках отцовской роли, на основе которых были вычислены баллы по трём градациям отцовской вовлечённости: высокая, средняя и низкая. Например, согласие (полное и частичное) с утверждением «Обычно реальные взаимоотношения отца с детьми большей частью осуществляются при посредничестве матери» сви-

детельствовало о высокой степени опосредованности взаимодействия и относилось к низкому уровню отцовской вовлечённости; несогласие с данным утверждением было индикатором непосредственности взаимодействия, т. е. соответствовало высокой степени отцовской вовлечённости и т. д.

Взаимосвязь социальных представлений о поведении в рамках отцовской роли с нормами *традиционной маскулинности* выявлялась с помощью корреляционного анализа с применением непараметрического критерия г-Спирмена. В табл. 4 приведены результаты корреляционного анализа по всем шкалам опросника.

Таблица 4

Взаимосвязь социальных представлений о поведении в рамках отцовской роли с установками в отношении норм традиционной маскулинности

Шкалы опросника «Мужские нормативные установки»	Содержание социальных представлений о поведении в рамках отцовской роли		
	Высокая степень отцовской вовлечённости	Средняя степень отцовской вовлечённости	Низкая степень отцовской вовлечённости
Жёсткость, твёрдость	-0,204**	-0,083	0,313**
Опора на собственные силы	-0,229**	-0,151*	0,353**
Ориентация на достижения	-0,288**	-0,087	0,398**
Принятие безличной сексуальности	0,039	-0,319**	0,176*
Гомофобия	-0,187*	-0,178*	0,322**
Нормативность	-0,251**	-0,199**	0,422**

Примечание. Уровень значимости тесноты связи: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Не останавливаясь подробно на описании всех выявленных взаимосвязей, отметим лишь самые важные результаты. Данные, представленные в табл. 4, свидетельствуют о наличии значимых ($p < 0,01$) отрицательных взаимосвязей показателей по интегративной шкале «Нормативность», отражающей степень приверженности нормам традиционной маскулинности с высокой ($r = -0,251^{**}$) и средней ($r = -0,199^{**}$) степенью отцовской вовлечённости, а также присутствие тесной положительной связи показателей по указанной шкале ($p < 0,01$, $r = 0,422^{**}$) с социальными представлениями о поведении в рамках отцовской роли, отражающими низкую степень отцовской вовлечённости. Иначе говоря, ориентация на модернизированную модель маскулинности соответствует среднему и высокому уровню отцовской вовлечённости, а высокая степень приверженности традиционным нормам маскулинности связана с низкой отцовской во-

влечённостью. Следует обратить внимание на характер взаимосвязей социальных представлений, отражающих низкую и высокую степень отцовской вовлечённости, с показателями по шкале «Ориентация на достижения». По данной шкале обнаружены самые тесные положительные взаимосвязи ($r=0,398^{**}$, $p<0,01$) с низкой степенью отцовской вовлечённости, а также значимые отрицательные взаимосвязи ($r=-0,288^{**}$, $p<0,01$) с высокой степенью отцовской вовлечённости. Ориентация на достижения как составляющая традиционного канона маскулинности связана с признанием в качестве основной задачи мужчины самореализации в профессиональной сфере. Семья и родительство не рассматриваются как сферы, в которых можно добиться успеха. В то время как в модели модернизированной маскулинности самореализация мужчины в сфере семьи обладает не меньшей значимостью, чем самореализация в профессиональной деятельности.

Для выявления более детальной картины соотношения норм маскулинности и представлений о поведении в рамках отцовской роли проводился сравнительный анализ средних значений по показателям, характеризующим содержание отцовского поведения, в группах респондентов с различной степенью приверженности нормам традиционной маскулинности. Распределение средних значений по показателям, характеризующим поведение в рамках отцовской роли, в группах респондентов, ориентирующихся на нормы *модернизированной* и *традиционной маскулинности*, представлено в табл. 5.

Таблица 5

Различия по показателям, характеризующим представления о поведении в рамках отцовской роли у респондентов с низкой и высокой степенью приверженности нормам традиционной маскулинности

Параметры	Характеристики отцовского поведения	Группа 1 (n=25)		Группа 2 (n=33)		p
		M	SD	M	SD	
Взаимодействие	Опосредованность взаимодействия	0,12	0,33	0,45	0,51	0,006
	Равноправный стиль	0,32	0,48	0,06	0,24	0,009
	Смешанный стиль	0,36	0,49	0,09	0,29	0,012
	Доминантно-зависимый стиль	0,32	0,48	0,85	0,36	0,000
Доступность	Эмоциональная близость	0,67	0,48	0,18	0,39	0,000
	Эмоциональная дистанцированность	0,13	0,34	0,67	0,48	0,000

Ответствен- ность (поведенческий компонент)	Вклад отца в деятельность по материальному обеспечению семьи не превышает материнский		0,32	0,48	0,09	0,29	0,028
	Вклад отца в заботу о маленьких детях	Должен быть не меньше материнского	0,60	0,50	0,33	0,48	0,044
		Не превышает материнский	0,24	0,44	0,03	0,17	0,015
		Значительно меньше материнского	0,16	0,37	0,64	0,49	0,000

Примечание. Группа 1 – респонденты с низкой степенью приверженности нормам *традиционной маскулинности*; группа 2 – респонденты с высокой степенью приверженности нормам *традиционной маскулинности*; M – среднее; SD – стандартное отклонение; p – уровень значимости различий (оценка по критерию t-Стьюдента).

Приведённые данные свидетельствуют о наличии достоверных различий между указанными группами респондентов по ряду характеристик. Параметр, отражающий представления о специфике *взаимодействия* отца с ребёнком, обнаруживает, что для респондентов с высокой степенью приверженности традиционной модели маскулинности (n=33) в большей мере характерны представления о взаимодействии опосредованного характера (отец не должен стремиться к непосредственному контакту с ребёнком, взаимодействие происходит, как правило, с участием матери) (M1=0,12, M2=0,45, p=0,006), а также представления о предпочтении реализации доминантно-зависимого стиля во взаимодействии с ребёнком (M1=0,32, M2=0,85, p=0,000). В свою очередь, респонденты с низкой степенью приверженности традиционной модели маскулинности (n=25) значительно чаще разделяют представления о том, что взаимодействия между отцом и ребёнком должны строиться на принципах равенства (M1=0,32, M2=0,06, p=0,009) или характеризоваться сочетанием доминантно-зависимого и равноправного стилей (M1=0,36, M2=0,09, p=0,012).

По показателям, описывающим такой аспект отцовского поведения, как *доступность*, также выявлены различия между указанными группами: у респондентов с низкой степенью приверженности нормам традиционной маскулинности более отчётливо выражены представления о том, что поведение отца должно характеризоваться высоким уровнем эмоциональной близости (M1=0,67, M2=0,18, p=0,000), а для группы с высокой степенью приверженности нормам традиционной маскулинности более характерны представления, включающие требования эмоциональной дистанцированности отца по отношению к ребёнку (M1=0,13, M2=0,67, p=0,000).

Представления о поведении в рамках отцовской роли у респондентов с разной степенью приверженности нормам традиционной маскулинности различаются также по параметру *ответствен-*

ность. Ключевые различия зафиксированы относительно представлений о степени ответственности отца и матери за заботу о маленьких детях. Респонденты с низкой степенью приверженности традиционной модели маскулинности значительно чаще разделяют представления о важности равного участия отца и матери в заботе о маленьких детях ($M_1=0,60$, $M_2=0,33$, $p=0,044$), либо о необходимости стремления отца к участию в данной деятельности ($M_1=0,24$, $M_2=0,03$, $p=0,015$), что не характерно для мужчин с высокой степенью приверженности нормам традиционной маскулинности, которые чаще придерживаются представлений о том, что уход за маленькими детьми – это, скорее, сфера ответственности матери ($M_1=0,37$, $M_2=0,64$, $p=0,000$).

Заключение

Для решения практических задач в условиях социальных изменений важно учитывать роль социальных и культурных факторов, влияющих на трансформацию социальных представлений об отцовстве и на специфику отцовского поведения. Изучение взаимосвязи социальных представлений о содержании поведения в рамках отцовской роли с нормами маскулинности открывает возможность исследовать отцовство как социально конструируемый феномен с акцентом на выявлении причин того или иного поведения в контексте социальных изменений.

Результаты эмпирического исследования демонстрируют, что социальные представления об отцовском поведении тесно связаны с существующими в обществе нормами маскулинности. Обнаружены значимые различия в социальных представлениях об отцовском поведении между группами респондентов, приверженных нормам модернизированной и традиционной маскулинности. Выявлено, что модель модернизированной маскулинности соотносится с представлениями о высокой и средней степени отцовской вовлечённости.

Список литературы

1. Авдеева А.В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социолог. исслед. – 2012. – № 11. – С. 95–104.
2. Акимова М.К., Усцева М.Н. Влияние отца и его образа на возникновение аддикции у подростков // Высшее образование сегодня. – 2010. – № 5. – С. 63–67.
3. Берд Ш. Теоретизируя маскулинности: современные тенденции в социальных науках // Гендер. исслед. – 2006. – № 14. – С. 5–33.
4. Борисенко Ю.В., Портнова А.Г. Отцовство как фактор развития личности // Развитие личности. – 2006. – № 2. – С. 70–81.
5. Евсеенкова Ю.В. Отцовство как психологический фактор развития личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Новосибирск, 2006.
6. Евсеенкова Ю.В., Портнова А.Г. Отцовство как структурно-динамический феномен // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003.

7. Иоффе Е.В. Риски для мужского сексуального здоровья // Материалы X юбилейн. рос. науч.-образоват. форума «Мужское здоровье и долголетие». – М., 2012. – С. 48–50.
8. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Значение отца для развития ребенка (на материале зарубежных исследований) // Семейная психология и семейная терапия. – 2006. – № 1. – С. 87–99.
9. Киммель М. Маскулинность как гомофобия: страх, стыд и молчание в конструировании гендерной идентичности // Гендер. исслед. – 2006. – № 14. – С. 34–52.
10. Клёцина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. – 2009. – № 3 (52). – С. 29–41.
11. Кон И.С. Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2008. – № 4. – С. 5–16.
12. Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. – М.: Время, 2010.
13. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время, 2009.
14. Кон И.С. Отцовство как компонент мужской идентичности // Демоскоп Weekly. – 2006. – № 237–238.
15. Лукина А.А. Представления об отце у юношей и девушек из неполных семей как практическая проблема современной психологии // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. – 2008. – № 11. – С. 55–58.
16. Старостина Л.Д. Роль отца в психическом развитии ребенка // Вестн. Якут. гос. ун-та. – 2008. – Т. 5. – № 3. – С. 74–80.
17. Чикалова Е.А. Исследования отцовства и маскулинности: точки пересечения // Женщина в российском обществе. – 2012. – № 2. – С. 43–53.
18. Coltrane S. Fathering: Paradoxes, Contradictions, and Dilemmas // Men's Lives. – 2001. – P. 432–449.
19. Connell R., Messerschmidt J. Hegemonic Masculinity: Rethinking the Concept // Gender & Society. – 2005. – № 19. – P. 829–859.
20. Doherty W., Kouneski E., Erickson M. Responsible fathering: An overview and conceptual Framework // Journal of Marriage and the Family. – 1998. – № 60. – P. 277–292.
21. Dowd N. Redefining Fatherhood. – New York: New York University Press, 2000.
22. Edwards T. Cultures of Masculinity. – London, New York: Taylor & Francis, 2005.
23. LaRossa R. The modernization of fatherhood: A social and political history. – Chicago: University of Chicago Press. 1997.
24. Luyt R. The Male Attitude Norms Inventory-II. A Measure of Masculinity Ideology in South Africa // Men and Masculinities. – 2005. – V. 8. – № 2. – P. 208–229.
25. Palkovitz R. Reconstructing «involvement»: expanding conceptualizations of men's caring in contemporary families // Generative Fathering: Beyond Deficit Perspectives. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.
26. Pleck J. Fatherhood and Masculinity // The Role of the Father in Child Development. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. – 2010. – P. 27–57.
27. Pleck J. The Myth of Masculinity. – Cambridge, MA: MIT Press, 1981.
28. Tamis-LeMonda C., Cabrera N. Perspectives on Father Involvement: Research and Policy // Social Policy Report. Society for Research in Child Development. – 1999. – V. XIII. – № 2. – P. 1–32.
29. Williams S. What is Fatherhood? Searching for the Reflexive Father // Sociology. – 2008. – V. 42. – № 3. – P. 487–502.

Функции дисциплинарной практики как элемент системы мотивационной направленности личности на соблюдение служебной дисциплины в органах внутренних дел

В статье проводится исследование функций дисциплинарной практики в органах внутренних дел посредством разделения их на социально-психологические и юридические. Раскрывается сущность каждой функции и анализируется их влияние на формирование мотивационной направленности сотрудников органов внутренних дел на соблюдение служебной дисциплины.

The article concerns the problem of functions of disciplinary practice in the internal affairs by their division on social and legal. The author analyzes each function and their influence on formation of motivational orientation of employees of the internal affair bodies observance of service discipline.

Ключевые слова: дисциплинарная практика; функции; мотивационная направленность; служебная дисциплина.

Key words: disciplinary practice; functions; a motivational orientation; office discipline.

Целенаправленная и эффективная деятельность любого сообщества невозможна без соблюдения каждым из его членов требований дисциплины – определенного и точного порядка поведения, установленного как для членов общества в целом, так и для какой-либо определенным образом организованной социальной группы, коллектива и являющегося для них обязательным. Особые требования к соблюдению дисциплины предъявляются к коллективам и организациям, сотрудники которых выполняют обязанности, связанные с высокой общественной значимостью, где отклонения от этих требований могут привести к тяжелым последствиям, срыву заданий, гибели людей, нарушениям их прав и свобод. К организациям подобного рода в первую очередь относятся силовые структуры общества: вооруженные силы, органы внутренних дел, другие государственные органы, а также организации, сотрудники которых выполняют свои обязанности с оружием. К сожалению, и в этих коллективах нередки случаи отступления от требований дисциплины, когда сотрудники совершают различные дисциплинарные проступки [9].

Одним из эффективных способов поддержания служебной дисциплины в органах внутренних дел является дисциплинарная практика, реализация которой осуществляется с учетом уставных требований¹. Дисциплинарная практика определяется нами как совокупность деятельности должностных лиц органов внутренних дел, наделенных дисциплинарной властью, выраженной, как правило, в форме издания приказов по применению дисциплинарных взысканий и поощрений, направленной на поддержание в подразделении определенного уровня служебной дисциплины и обобщенной статистической информации о применении различных видов дисциплинарных взысканий и поощрений [2].

Дисциплинарная практика в органах внутренних дел формирует определенную систему мотивационной направленности личности сотрудников на исполнение и соблюдение всех правовых предписаний, адресованных им. То есть наряду с правовыми аспектами, понятие «дисциплинарная практика» содержит в себе и психологический аспект, заключающийся в мотивационных тенденциях поведения, что не всегда является очевидным фактом при анализе причин дисциплинарных нарушений сотрудниками органов внутренних дел. В связи с этим функции дисциплинарной практики призваны опосредованно выступать корригирующим мотивационным фактором поведения лиц правоохранительной деятельности. Психологический аспект понятия «дисциплинарная практика» еще требует своего наполнения и научно-эмпирического обоснования. Юридический же аспект данного понятия достаточно широко аргументирован правовыми документами, которыми руководствуются сотрудники правоохранительной деятельности.

Однако когда речь идет о функциях дисциплинарной практики, то этимологически следует вопрос о направленности этих функций, определении их действительного содержания. Понятие «функция» отражает направленность действия, сообщает о предназначении предмета или действия. Философское толкование понятия «функция» имеет социальную направленность, где под функцией понимается роль, которую социальный институт выполняет относительно потребностей общественной системы, или интересов составляющих ее классов, социальных групп и индивидов, а также зависимость, наблюдаемая между различными социальными явлениями и процессами в рамках данной общественной системы [10], то есть понятие «функция» определяется через ее социальное

¹ Указ Президента РФ от 14 окт. 2012 г. № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации».

предназначение [8]. Социальная роль функции заключена в деятельности, направленности личности, что может выступать отдельным элементом исследовательской психологической практики. С нашей точки зрения [3] в основу понимания функций дисциплинарной практики как разновидности практики юридической, может быть положено толкование, согласно которому функция отражает целенаправленность, однородность моментов воздействия любого явления в процессе его проявления, что позволяет, в конечном итоге, дать социально-правовую оценку происходящего, определить роль в системе общественных отношений смысло-жизненных ориентиров, мотивы поступка субъекта правовой деятельности.

В юридической литературе понимание подходов к классификации функций дисциплинарной практики рассматривается сквозь призму смысловой (семантической) насыщенности в оценках правовой ответственности за несоблюдение уставных норм поведения, нарушение дисциплины, которые прописаны в соответствующих правовых документах. Так, С. С. Алексеев [1] выделяет следующие функции: право направляющую, право конкретизирующую и сигнально-информационную, которые содержат в себе не только юридический, но и социально-психологический аспект толкования и понимания. В. И. Леушин [7] указывает на то, что функции несут в себе констатирующие (юридические) и социально-педагогические (психологические) аспекты направленности, выделяя при этом целый ряд функций: формирование права, совершенствование правоприменительной деятельности, воспитательная и право конкретизирующая функции. В. Н. Карташов [5] отмечает роль интерпретационной функции практики, когда речь идет об адекватном толковании дисциплинарных нарушений и ответственности личности. На основные направления влияния интерпретационной практики на реальную действительность указывают Д. А. Гаврилов [4] и Л. В. Половова [6], отмечая важность учета социальных детерминант в понимании и толковании особенностей поведения лиц правоохранительной деятельности в конкретной ситуации исполнения функциональных обязанностей.

Направленность функций дисциплинарной практики свидетельствует об их единстве и в то же время о дифференцированности в понимании и толковании.

Так, в частности, социальные функции дисциплинарной практики заключаются в придании стабильности, системности и организованности общественным отношениям в сфере укрепления

служебной дисциплины в органах внутренних дел. Среди них можно выделить такие, как воспитательная и ориентирующая функции.

Воспитательная функция оказывает специфическое воздействие на поведение субъектов и связана с педагогической и социально-психологической деятельностью начальников по отношению к подчиненным по формированию у последних высоких личных и профессиональных качеств, необходимых для качественного выполнения служебных задач. Реализуется воспитательная функция через систему запретов, дозволений и обязанностей посредством поощрений и наказаний.

Назначение ориентирующей функции заключается в формировании социально полезной, положительной направленности субъективной стороны правомерного поведения. Данная функция выступает важным источником моральной ориентации сотрудников в конкретном коллективе органов внутренних дел.

Правоисполнительная подфункция обусловлена тем, что дисциплинарная практика является юридической формой реализации исполнительной власти, т. е. связана с исполнением действующих нормативных правовых актов. Значение сигнально-информационной подфункции [11] заключается в том, что посредством ее реализации проверяется обоснованность соответствующих норм дисциплинарной практики, устанавливаются пробелы в законодательстве. Например, практика применения дисциплинарных взысканий может сигнализировать правотворческим органам о неполноте законодательства, его противоречиях и неэффективности, становясь, таким образом, необходимой основой для создания норм права и даже нормативных актов.

Правозащитная подфункция основана на соблюдении прав и свобод человека и гражданина. Субъекты дисциплинарной власти обязаны признавать установленные Конституцией Российской Федерации права и свободы человека и гражданина, соблюдать и реализовывать их на практике.

Подфункция обеспечения законности дисциплинарной практики предполагает недопустимость отклонения от установленных законом требований к процессуальной деятельности применения мер поощрения и особенно дисциплинарных взысканий. Охранительная функция дисциплинарной практики осуществляется в основном посредством запрещающих правовых норм. Содержание этой функции включает установление санкций и основания для дисциплинарной ответственности и направлено на защиту дисциплинарно-правовых отношений.

Правообеспечительная подфункция обычно связана с обязывающими и запрещающими методами и подразумевает создание определенных условий, предпосылок, средств и способов, обеспечивающих нормальное функционирование дисциплинарных правоотношений и достижение поставленных целей.

Превентивная подфункция связана с предупреждением совершения дисциплинарных проступков как сотрудником, к которому были применены меры дисциплинарного взыскания, так и другими сотрудниками (частная и общая превенция).

Смысл право восстановительной подфункции состоит в наличии соответствующих мер правовой защиты, отмене неправомерных действий и приказов. Так, «вышестоящий руководитель (начальник) имеет право изменить дисциплинарное взыскание, наложенное нижестоящим руководителем (начальником), если оно не соответствует тяжести совершенного сотрудником органов внутренних дел дисциплинарного проступка»¹.

Суть компенсационной подфункции определяется тем, что все нормы дисциплинарной практики должны быть нацелены на возмещение любого материального или морального вреда (ущерба), который причинен противоправными, а иногда и правомерными действиями отдельным лицам, социальным группам или обществу в целом. Реализация данной подфункции в органах внутренних дел на практике возможна только через судебный институт, так как правовые акты, регулирующие правоотношения дисциплинарной практики, не имеют норм, регламентирующих порядок возмещения материального или морального вреда (ущерба). Роль карательной подфункции заключается в применении к правонарушителям таких мер юридического воздействия, которые связаны с лишениями материального, личного, организационного и иного характера.

Таким образом, обобщив изложенное выше, можно констатировать следующее:

- функции дисциплинарной практики в органах внутренних дел представляют собой основные направления ее влияния на объективную и субъективную реальность, в которых проявляется сущность дисциплинарной практики, и могут быть систематизированы по объекту воздействия в виде двух групп: социальные и юридические;

¹ Ч. 5. ст. 51. Федеральный закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации»; п. 44. Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 14 окт. 2012 г. № 1377.

- функции дисциплинарной практики оказывают непосредственное влияние на формирование мотивов соблюдения сотрудниками органов внутренних дел установленных федеральным законодательством и подзаконными нормативными правовыми актами порядка и правил при выполнении служебных обязанностей и реализации предоставленных прав.

Психологическое наполнение понятия «функция» представляется значимым направлением в дальнейших социально-правовых исследованиях, посвященных развитию представлений о «дисциплинарной практике». Изучение мотивационной направленности личности посредством анализа дисциплинарных нарушений сотрудниками органов внутренних дел позволит вскрыть социальные проблемы в коллективе сотрудников правоохранительной деятельности, разработать меры профилактической направленности в корригировании уставных требований дисциплинарной практики.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общая теория права. – М., 1981. – Т. 1. – С. 348–350.
2. Бялт В. С. Административно-правовое регулирование дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел: моногр. – Псков: ПГПУ. 2009. – 170 с.
3. Бялт В. С. Институт дисциплинарной ответственности сотрудников полиции: моногр. – LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 151 с.
4. Гаврилов Д. А. Правоприменительное толкование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000. – 19 с.
5. Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. – Ч. II. – Ярославль, 1996. – С. 40.
6. Половова Л.В. Функции интерпретационной практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2001. – 26 с.
7. Проблемы теории государства и права / под ред. С.С. Алексеева. – М., 1974. – С. 414–415.
8. Самощенко И. С. Правовые формы осуществления функций Советского государства // О научном единстве проблем общей теории права и трудового права. – М., 1978. – С. 21.
9. Служебная дисциплина, законность и противодействие коррупции в органах внутренних дел: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2010. – С. 3.
10. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 751.
11. Шергин А.П. Проблемы административной юрисдикции: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1979. – 42 с.

Понятие «социальное безумие» как феномен современного массового сознания

В статье описывается понятие «социальное безумие», введенное в социальной психиатрии, как одна из черт современного общества, подверженного стрессовому воздействию окружающего мира. В нестабильных обществах, где возрастает количество массовых агрессивных проявлений, измерение уровня социальной тревожности может предотвратить нежелательные социальные последствия.

The concept «social madness», used in social psychiatry, is described in the article, as one of lines of modern society subject to stress influence of the surrounding world. In unstable societies, where the amount of mass aggressive displays increases, measuring of level of social anxiety can prevent social fallouts.

Ключевые слова: социальное безумие, социальная тревожность, социальная патология, уровень жизненной удовлетворенности.

Key words: social madness, social anxiety, social pathology, level of vital satisfaction.

Уже древнегреческая этическая традиция тесно увязывает феномен массового безумия с социальными факторами. Например, Феогнид утверждал, что богатство – это безумие (*aphrosyne*), то есть порождаемые безудержным стремлением к обогащению наглость, насилие, бесчинство, извращенная злая воля, спесь и пресыщение воспринимаются как формы безрассудства приводят к несправедливости, угнетению, беззаконию (*dysnomia*) [1].

М. Фуко в монографии «История безумия в классическую эпоху» исследует понятие «безумие» и его принимаемые им формы, начиная со Средних веков, заканчивая рождением психиатрической клиники в современном ее понимании. Заболевших безумием называли последовательно больных проказой, венерическими заболеваниями, бродяг, преступников. Их сажали на так называемые «корабли дураков», чтобы они в поисках своего разума не заражали своим состоянием мирных обывателей, то есть фактически изгоняли из общества. В дальнейшем, пройдя довольно жестокий путь изоляции (к безумию относились как проявлению нечеловеческого животного начала в человеке) к гуманному отношению, в XVIII в. предпринимаются попытки объединить правовой статус человека (субъекта

права) с его общественным бытием, т. е. дается юридическая формула недееспособности человека и его социальной опасности для окружающих. Таким образом, как утверждает М. Фуко [9, с. 159], возникает психиатрическая медицина, которая четко разделяет понятия «нормальный человек» и «ненормальный человек».

В XIX в. в безумии видят «выброс из глубин, который выплескиваясь за пределы личности как правового субъекта и презирая поставленные ей нравственные ограничения, стремится стать апофеозом самого себя... Исходная модель всякого безумия будет состоять в том, чтобы почитать себя Богом, тогда как в предыдущие столетия она состояла в отрицании Бога» [9, с. 583].

В итоге Фуко приходит к парадоксальному выводу о том, что атрибутом существования безумия всегда была свобода, будь то свобода безумца говорить на языке собственного безумия, пренебрежением к «разысканию истины и развитию способности суждения», а также действия, подлежащие нравственному осуждению («страсть, неупорядоченная жизнь, праздность, распущенность и изнеженность, царящие в городах, жадное чтение, пособничество воображения, чувствительность, ненасытная в возбуждении и в то же время слишком озабоченная собой»). И вся мощь психиатрической машины обрушивается на беженца от реальности [9, с. 599]. Таким образом, безумец:

1) срывает покров с элементарной, первичной истины человека, которая сводит его к примитивным желаниям, безумие есть разновидность детства;

2) выводит на поверхность внутренний мир дурных наклонностей и извращений, безумие показывает, где «обрывается свобода», детерминированная телесностью (безумие есть расстройство функций мозга);

3) невинен, так как не осознает причин своих поступков;

4) излечим только в случае изгнания из него неприемлемых, чуждых для данного общества его нравственных и социальных истин.

Путь от просто человека к человеку истинному лежит через человека безумного, а от него к человеку психологическому [9, с. 614].

В современной прессе можно встретить такое понятие, как массовый феномен наркотической депрессии, под которой подразумевается особое состояние психики, связанное с болезненным пристрастием к информации об ухудшении дел в обществе, своего рода чувство беспросветности, болезненно требующее все новых и новых подтверждений того, что дела идут все хуже и никакого про света не предвидится. Люди втягиваются в это угнетенное состоя-

ние и ждут плохих новостей как наркотика, снимающего их внутренне напряжение.

Уровень тревожности является интегральным психофизиологическим показателем психического здоровья индивида [3], позволяет определять степень непосредственной эмоциональной реакции на стрессовое воздействие окружающей среды. Уровень тревожности является одним из ключевых критериев выявления пограничных (между нормой и патологией) состояний психики при проведении, например, эпидемиологических данных, используемых в социальной психиатрии для определения состояния психического здоровья населения. Теоретической основой для комплексного подхода к проблеме социальной тревожности может служить многофакторная модель расстройств аффективного спектра А.Б. Холмогоровой и Н.Г. Гаранян [5], разработанная авторами для изучения факторов возникновения депрессивных, тревожных и соматоформных расстройств и вытекающих из них мишеней психотерапии. Данная модель позволила осуществить теоретико-методологический анализ различных подходов к изучению и лечению расстройств аффективного спектра и обосновать необходимость их интеграции (когнитивную, эволюционистскую, бихевиористскую и др.) С помощью многофакторной модели становится возможным рассматривать и исследовать макросоциальные, семейные, интерперсональные и личностные факторы как систему и интегрировать различные теоретические представления и эмпирические исследования расстройств аффективного спектра. Соответственно, при изучении социальной тревожности эта модель позволяет объединить разные теоретические представления и выделить следующие направления дальнейших исследований:

1) влияние патогенных ценностей современной культуры (культ успеха и личных достижений) на возникновение и поддержание высокого уровня социальной тревожности (макросоциальный уровень);

2) связь стилей родительского воспитания и особенностей коммуникации в семьях пациентов с тревожными расстройствами с уровнем социальной тревожности у этих пациентов (семейный уровень);

3) роль дисфункциональных личностных черт (таких как перфекционизм и враждебность) в возникновении и поддержании высокой социальной тревожности (личностный уровень);

4) роль дефицита социальной поддержки и социальных навыков в возникновении социальной тревожности (интерперсональный уровень) [10, с. 66].

Жизненная удовлетворенность – это наиболее устойчивый показатель психологического состояния, отражающий отношение к жизни в целом, общее состояние морального духа и психологической устойчивости к сильным стрессогенным воздействиям. Исследование жизненной удовлетворенности получило широкое распространение в рамках социологии и психологии жизненного пути, лонгитюдных исследований для сравнительной характеристики психологического состояния людей, принадлежащих к различным социально-демографическим группам и социальным слоям.

В нестабильных социальных системах, главным признаком которых является разрушение их ценностно-нормативной основы, решающую роль приобретает аффективный, когнитивный и моральный потенциал индивидуальных особенностей сознания и поведения людей, жизнедеятельность которых осуществляется в дезорганизованном обществе. В условиях, когда одна система ценностей отвергнута, а другая еще полностью не сформировалась, в обществе нет однозначных критериев, ранжирующих социальные статусы, не соответствующих норм, регламентирующих способы включения в социальную жизнь.

Основной характеристикой социального статуса в условиях дезорганизованного общества является неопределенность. В поисках основных ценностей происходит частая смена критериев социального статуса, другими словами, в трансформирующемся обществе происходит частая смена ценностей – целей, определяющих критерии иерархии социальных статусов.

По Э. Дюркгейму, человек чувствует себя более защищенным и свободным в жесткой закрытой системе с малым выбором занятий и ограниченными возможностями социального продвижения, чем в условиях неопределенности в подвижной открытой структуре [2]. Изучение этого феномена получило дальнейшее развитие в исследованиях Э. Фромма («бегство от свободы») [8], Р. Мертон (анализ структурных механизмов аномии) [4], Г. Беккера (аномическая стадия развития общества и его соответствие определенному типу общественной системе), Е. Лемерт (особенности ненормативного поведения).

Существует тесная связь между уровнем аномической деморализованности и агрессивными настроениями, ориентацией на экстремистские акции. Люди, у которых очень высокий уровень деморализованности, считают, например, что в борьбе с преступностью лучшей мерой является привлечение армии, правоохранительных сил, оружия. Эта тенденция характерна для тех

посттоталитарных государств, в которых сохраняется значительный психологический потенциал стабильного существования, что предотвращает возникновение крупномасштабных конфликтов, но вместе с тем порождает сильное чувство ностальгии по временам «твердой руки», «железного порядка», когда «каждый знал свое место» и ему не приходилось самому искать ориентиры своего социального поведения.

Непредсказуемость социальной ситуации и ценностно-нормативная неопределенность формирует образ жизни, в котором возникает драматическое противоречие между поступками и эмоциями, когда собственные вполне рациональные действия по адаптации к новым условиям жизни человек эмоционально отторгает, демонстрируя постоянное ухудшение социального самочувствия. Отсюда нередко следует вывод об усталости народа и его желании жить в беспроблемном обществе под руководством авторитарного государства [1].

Таким образом, массовые психопатологии, связанные с болезненным состоянием человеческих сообществ и проявляющиеся в панике, «эпидемиях» истерии и бессмысленной агрессии линчующих толп, как правило, остаются локальным (во времени и социальным пространством) явлением, не сопоставимым по масштабам воздействия на общественную жизнь с социопатиями, охватывающими буквально все население страны, переживающей периоды кризиса и социальной нестабильности (см. рис.).

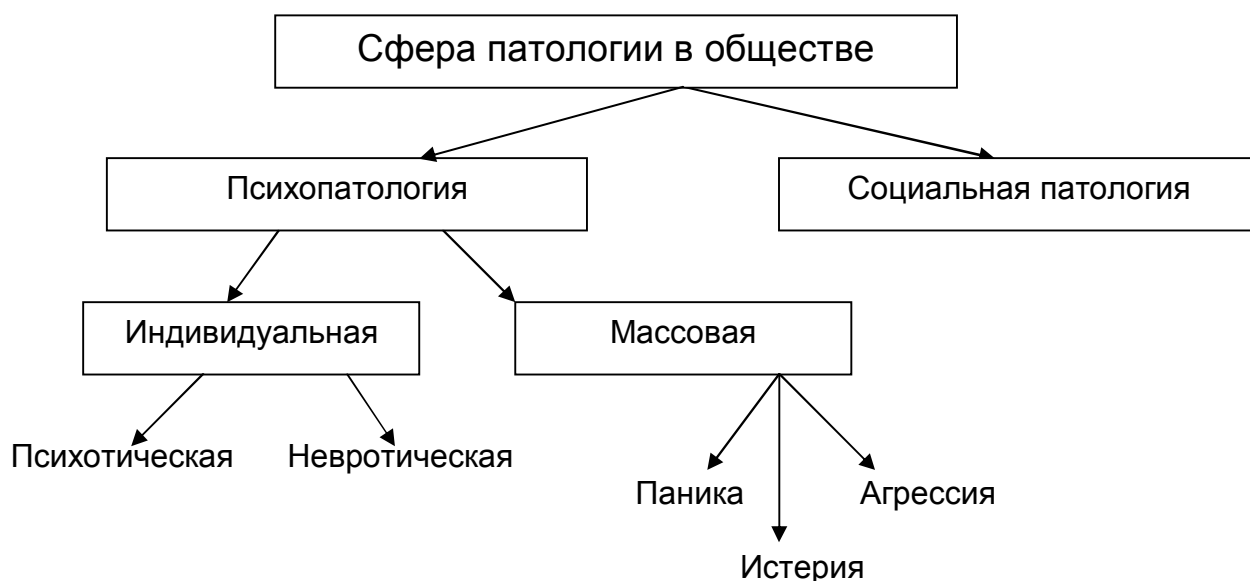

Рис. Сфера патологии в обществе

Социальная патология включает в себя девиантное поведение (сознательное избирательное нарушение социальных норм) и социопатии (безумие как массовая дезориентация в условиях ценностно-нормативного хаоса) [1].

Специфической социопатией в условиях посттоталитарного развития общества является амбивалентность (двойственность) сознания с конформно-нигилистической направленностью.

Амбивалентность – понятие, которое первоначально использовалось в психиатрии для характеристики состояния личности, когда она испытывает полярные эмоции по отношению к одному и тому же объекту (эмоциональная амбивалентность), высказывает взаимоисключающие идеи (интеллектуальная амбивалентность) и постоянно колеблется между двумя противоположными решениями (волевая амбивалентность). Введенное в психиатрический лексикон Э. Блейлером и одобренное З. Фрейдом, это понятие широко использовалось в психоанализе для характеристики одновременного проявления влечения и отталкивания, симпатии и вражды, побуждения к действию и страха перед ним. В социологии это понятие использовал Р. Мертон для характеристики конфликта социальных ролей, ценностных и нормативных структур общества как источника психической раздвоенности.

Список литературы

1. Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие: история, теория и современная практика. – Киев: Абрис, 1994. – 168 с.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, назначение. – М., 1995.
3. Краснов В.Н. Тревожные расстройства: их место в современной систематике и подходы к терапии // Социальная и клиническая психиатрия. – 2008. – Т. 18. – № 4. – С. 33–38.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Социальная структура и аномия // Социолог. исслед. – 1992. – № 2–4.
5. Никитина И. В., Холмогорова А.Б. Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения // Социальная и клиническая психиатрия. – Т. 21. – Вып. 1. – М., 2011. – С. 60.
6. Почебут Л.Г. Социальная психология толпы. – СПб.: Речь, 2004.
7. Почебут Л.Г. Социальные общности. – СПб.: Изд-во СПбУ, 2005.
8. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 288 с.
9. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – М.: АСТ МОСКВА, 2010. – 698 с.
10. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Евдокимова Я.Г., Москова М.В. Факторы психологической дезадаптации у студентов // Вопр. психолог. – 2009. – № 3. – С. 14–24.

ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ФУНКЦИЙ

УДК 159.923

В. Д. Балин

Классификация – важнейшая функция индивидуального сознания*

В статье представлена схема функционирования индивидуального сознания и отдельных ее компонентов. Показано, тем не менее, что надо различать индивидуальные и общественные формы сознания. Описываются свойства индивидуального и общественного сознания и их эмпирические характеристики. Приводится схема формирования одной из форм индивидуального сознания – мирознания и более подробно важнейшего его компонента – картины мира. Показывается, в свою очередь, что важнейшим моментом процесса формирования «картины мира» является процедура классификации поступающей извне информации. Приводится математическая модель процесса классификации.

The article presents the scheme of functioning of the individual consciousness and its components. It is shown, however, that we must distinguish between individual and social forms of consciousness. The properties of individual and public consciousness and their empirical specifications are described. The scheme of formation of one of the forms of individual consciousness – world-consciousness and, in more detail, the most important component – the picture of the world. It is shown, in turn, that the crucial point of the process of formation of the «picture of the world» is the procedure for classification of incoming information. Describes a mathematical model of the process of classification.

Ключевые слова: сознание, виды и формы сознания, мирознание, картина мира, классификация, нейронные сети.

Key words: consciousness, types and forms of consciousness, world-consciousness, picture of the world, classification, neural networks.

© Балин В. Д., 2013

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по теме «Моделирование семантического пространства человека с использованием метода вызванных потенциалов мозга», код 13-06-00625.

Проблема сознания – важнейшая для психологии, в частности, и в связи с проблемой интеграции психологического знания. Термин «сознание», однако, имеет несколько значений, что часто вводит исследователей в заблуждение.

Целесообразно при проведении исследований сразу же определять «координаты» нашего явления. Сначала надо выяснить, с чем мы имеем дело – с категорией «сознание» или сознанием как психическим явлением. В философской литературе, методологических и общепсихологических публикациях чаще говорят о категории «сознание». В экспериментальных психологических исследованиях обычно рассматривается сознание как психическое явление, изучается процессуальная его сторона. Можно говорить и о содержании сознания.

Если определили, что исследуем сознание как психическое явление, то надо решить, какая его форма (вид) имеется в виду: индивидуальное или общественное. Говоря о первом, надо уточнить, о какой его сфере идет речь: о бессознательном, подсознании и т. п. При изучении общественного сознания надо поступать также [1; 2].

Предполагается, что генез всех видов и сфер сознания осуществляется по одним и тем же законам. Используя системные представления можно предположить, что в каждом виде и сфере сознания следует искать элементы, структуру и функцию. Сознание формируется по законам самоорганизации. Аттрактором такой системы является некоторый инвариант (образ, позволяющий видеть окружающий мир стабильным и дискретным). Сформировавшаяся структура устойчива, но существует в «движении», т. е. можно говорить о ее эволюции.

Сначала рассмотрим **индивидуальное сознание**, поскольку именно оно у большинства людей связывается с понятием «сознание».

Сферы индивидуального сознания. Проведенные нами исследования позволяют различать такие сферы индивидуального сознания.

Бессознательное. Его содержание не зависит от деятельности определенной сенсорной системы (внемодально). Ее основа – генетическая память.

Подсознательное. Вытесненная, ранее осознанная информация.

Самость. Ощущение того, что за всеми разными физиологическими реакциями саморегуляции, возникающими по разным поводам, стоит нечто постоянное, инвариантное, воспринимаемое как ощущение самобытия, ощущение «Я».

Мирознание. Знание о том, что в определенном диапазоне условий свойства окружающей среды остаются неизменными, инвариантными [4]. Здесь формируется «картина мира».

Картина мира – это интегральное образование, восстановленное из наших ощущений и восприятий, которые в геометрическом смысле являются многомерными проекциями объективно существующего физического пространства. Это наиболее полный полисенсорный образ, сформированный на основе всей информации об окружающей среде. На основе картины мира формируется семантическое пространство человека. Это возможно благодаря процессу словообразования, свойственного только человеку.

Самосознание. Знание о том, что в определенном диапазоне условий мое место в среде остается постоянным, инвариантным.

Надсознание. Система отношений и факторов, действующих в сфере взаимодействия личности с миром культуры. Она «зашита» в культурной, как бы искусственной, среде обитания человека. Эти отношения руководят поведением человека, но он их не осознает.

Сверхсознание. Умение «видеть» ситуацию в многомерном пространстве, включая время. Для этой сферы характерны целостность, надмодальность. У нее имеются порог осознания, длительность и избирательность. Строится на основе всех видов индивидуального сознания; это их инвариантная часть.

Эмпирические характеристики индивидуального сознания.

Список эмпирических характеристик видится таким. 1. Широта. 2. Целостность (фрагментарность) 3. Устойчивость. 4. Произвольность (непроизвольность). 5. Интенция (направленность) внутренняя и внешняя. 6. Избирательность. 7. Опосредованность. 8. Интенсивность. 9. Ясность (контрастность). 10. Надмодальность. 11. Абсолютный порог осознания. 12. Относительный (дифференциальный) порог, характеризующий способность детализировать ситуацию. 13. Длительность процесса осознания (латентность). 14. Объем (содержание). 15. Блоковость (поляризованность) компонентов. 16. Фазовость (объем, абсолютный и дифференциальный пороги меняются во времени).

Свойства индивидуального сознания. 1. Инерционность (латентность): для сознания характерен эффект запаздывания; 2. Цикличность, проявляющаяся в синусоидальном распределении событий личного прошлого на временной оси «прошлое – настоящее». Период между пиками событий, по нашим данным, составляет примерно 7 лет (для общественного сознания – 20–30 лет) [5; 8].

Целесообразно выделять следующие сферы **общественного сознания**.

Собственно общественное сознание. Это сходное психическое содержание, присутствующее одновременно в психике многих людей, модель поведения.

Коллективное бессознательное. Система врожденных и латентных воспоминаний о прошлом в развитии человечества.

Моральное сознание. Поведение человека в системе координат «добро – зло».

Экономическое сознание. Высший уровень психического отражения экономических отношений общественно развитым человеком.

Можно подобным образом говорить и о коллективном, национальном, юридическом и других сферах общественного сознания.

Общественное сознание, видимо, имеет те же **эмпирические характеристики**, что и индивидуальное.

Свойства общественного сознания. Как и индивидуальное сознание, общественное характеризуется инерционностью и цикличностью. Можно также говорить о третьем свойстве – биполярности. Общественное сознание содержит категории, находящиеся между собой в отношении противоречия, амбивалентности [4; 5; 8].

Функциональная модель сознания (формирование картины мира). Выделяются три основных этапа работы сознания как инструмента формирования индивидуального пространства, описанные ниже. Помимо этого, проведенные новые исследования позволяют уточнить характер работы, происходящей при запуске процесса классификации, являющейся важнейшей частью процесса осознания ситуации, в которой находится субъект. Но опишем общую схему работы сознания.

Этап I. Формирование индифферентного пространства. Создается модель окружающей среды на основе запуска физиологических сенсорных систем по принципу S-R. Психика работает над выявлением инвариантных отношений в среде (проходится путь по шкале топологический инвариант – инвариант подобия). Уместно вспомнить закон о стадиях формирования перцептивного образа Ланге – Веккера – Ломова [3], а также соответствующую литературу по математике [6; 7]. На этом этапе начинает формироваться семантическое пространство, зависимое от коллективного и индивидуального опыта, но в меньшей степени зависимое от текущего состояния человека. Такое формирование возможно потому, что на этом этапе происходит выявление инвариантных отношений в среде. После

сказанного остается только найти словесное обозначение для выявленных инвариантов.

Этап II. Формирование индивидуального психологического пространства. Для этого необходимо уточнить уже имеющуюся модель окружающей среды. Существуют, как минимум, две стадии: 1) стабилизация – формируется «фотографический» образ среды; 2) классификация – проверка «фотографии» с точки зрения наличия искажений; классификация идет по признаку «старый – новый», «известный – неизвестный» (предпочтение отдается старому и известному). Осуществляется поиск словесных обозначений для выявленных «фотографий», являющихся, по сути, инвариантной частью нескольких потоков информации, поступающей в мозг по разным каналам.

Опишем работу классификатора более подробно.

Классификатор – психофизиологическая система, осуществляющая фильтрацию поступающей информации по принципу разнесения ее по уже имеющимся классам, что приводит к стабилизации формируемой картины мира (или психологического пространства). Осуществляется взаимодействие со средой и отражение ее. Для того, чтобы понять работу классификатора, были проанализированы законы, описывающие работу психики и сознания. Это законы Витгенштейна – Рош, Ганзена – Игонина, генерации, Джеймса, инвариантности Коффки, классификации, Марбе, незавершенного действия Зейгарник, последствий позитивного выбора Аллахвердова, превосходства слова над буквой, последствий фигуры, разрыва шаблона, стадильности восприятия Ланге – Веккера – Ломова, Торндайка, трансформации, Узнадзе, Фрейда – Фестингера, Эббингауза, Юма. Суть названных законов описана в работе «Введение в теоретическую психологию» [3].

Их совмещение позволило описать рассматриваемый процесс таким образом.

Взаимодействие со средой и отражение ее свойств первоначально направлено на создание ее стабильной картины. Это происходит благодаря выявлению инвариантных свойств среды. Создав стабильную картину среды, психика стремится ее удержать, препятствуя новым изменениям. Это осуществляется за счет запуска механизма константности (инвариантности). Здесь же появляется возможность найти вербальное обозначение для выявленных инвариантов и запуска процесса формирования речи.

При приеме новой информации сознание пытается упорядочить ее поступление. Важнейшим способом подобного упорядочивания выступает процедура классификации. Здесь просматриваются такие закономерности. 1. Проверяется, не является ли новая информация уже известной. 2. Если она новая, то выясняется, нельзя ли ее отнести к одному из уже образованных (и уже известных) классов. При этом наблюдается тенденция не замечать, игнорировать случайные стимулы, не подпадающие ни под один из известных классов. В этом проявляется защитная функция классификатора. Цель – сохранение уже сформированной картины реальности: видится только то, что соответствует сформировавшейся ранее картине. Константность восприятия – один из механизмов сохранения сформированной ранее картины. 3. Отсеянные стимулы также составляют свой класс. Они хранятся в резерве, в памяти. Механизмы осознания пытаются удалить противоречие с поверхности сознания. 4. Информация, предъявляемая в контексте, осознается быстрее и лучше, нежели разрозненная. 5. Нарушение ситуативной закономерности, смена контекста, вызывает эмоциональную реакцию, ведет к разрушению привычных схем поведения, к затруднениям в принятии решения. Появляются хаотические попытки избавиться от навязываемой ситуацией закономерности. Это продолжается до тех пор, пока не произойдет переинтерпретации ситуации, не будет найден новый контекст (извлеченная на поверхность сознания другая часть базового содержания). 6. При этом, если складывается ситуация, когда действие не может быть завершено, то оно «зависает» и запоминается даже лучше, чем если бы оно было завершено. 7. Расклассифицированная информация посылается в память (8 слоев). Глубина упаковки зависит от ее важности. Говорить можно о трех уровнях важности: репродуктивном, узнающем и облегчающем.

Для уточнения процедуры классификации вводится понятие «семантическое пространство». Семантическое пространство – это арсенал коллективного общечеловеческого опыта, закодированного словами. Оно выступает в роли суррогата окружающей среды, своеобразного экрана, находящегося между человеком и окружающей средой. Слова, составляющие этот экран, являются представителями вещей. Здесь проявляется номинативная функция речи. Можно заменить изучение окружающей среды через посредство прямого сенсорного взаимодействия с ней изучением элементов (слов) экрана, находящегося между средой и человеком. Наличие семантического пространства позволяет использовать обществен-

ный опыт, запасенный в языке, посредством изучения смысла слов и соотношений между ними, обыгрыванием этих смыслов с целью понимания мироустройства без непосредственного контакта с миром. Язык и речь позволяют познавать мир не через общение с реальными предметами, а через изучение их «представителей», номинантов, посредников, медиаторов, т. е. через слова. Эти слова и образуют семантическое пространство, т. е. искусственный слой, находящийся между человеком и средой, созданный человеком. Это пространство, несущее в себе коллективный опыт человечества, постоянно пополняется новыми сведениями.

И. А. Горбуновым была разработана компьютерная программа, моделирующая работу классификатора. Использовался алгоритм, известный как алгоритм построения нейронных сетей. Классификатор, в данном случае рассматриваемый как иерархия нейронных сетей, получающая из семантического пространства рабочий материал в виде слов, строит в нервной системе определенные структуры, называемые нейронными сетями (с подсетями), обеспечивающими выделение только тех семантических связей между словами, которые необходимы для выполнения задачи в данный конкретный момент времени. Движущей силой, обеспечивающей работу сети, выступают: поставленная задача (цель), актуализированная потребность, эмоциональное состояние и т. п. За основу предложенной программы была взята модель, строгое математическое описание которой было дано авторами, разработавшими так называемую «семантическую нейронную сеть» [9]. Эта сеть позволяет моделировать семантическое пространство человека. Нейроны входного слоя данной сети отражают объекты (обозначенные словами), которые мы воспринимаем, а выходной слой сети позволяет описать все признаки данного объекта, которые попадались в индивидуальном опыте испытуемого. Модель допускает создание дополнительных слоев, которые описывают (и исследуют) разные свойства исходных слов и их отношения с другими словами входного слоя. Суть работы описанной схемы состоит в том, что, если активирован какой-либо нейрон входного слоя, то на выходном слое активируются нейроны (соответствующие некоторым признакам исследуемого объекта входного слоя), которые свойственны объекту только в данном, исследуемом в конкретном случае, отношении. (Например, слово «слон» связано со словом «хобот» только в отношении «иметь», но не в отношении «уметь»). Таким образом, тип отношения в данной сети работает как классификатор. Входной, и особенно дополнительные, слои здесь выступают в виде своеобраз-

разных фильтров, критериев, аспектов, в свете которых и рассматривается данное слово. Чем больше скрытых слоев выявляет программа, тем более сложный характер отношений между словами и их признаками можно исследовать и выявить.

Благодаря работе II этапа формируется собственное индивидуальное психологическое пространство (скорлупа, футляр), приспособленное под индивидуальные свойства конкретного человека, но рассчитанное на продолжительные этапы жизни, соизмеримые с длительностью самой жизни. Уровень инвариантности этапа II – аффинный. На этом же этапе семантическое пространство начинает искажаться, приобретая индивидуальную специфичность, что обусловлено возможностями конкретного человека, его индивидуально-го жизненного стиля, из чего следует, что для жизни в реальном времени необходим еще один этап.

Этап III. Формирование собственно картины мира. Человек живет в реальном времени, постоянно реагируя на быстроменяющиеся условия среды, добиваясь в то же время своих целей, зависящих от системы ценностей. Для такой работы нужно иерархизировать вещи и явления в окружающей среде. Этой цели служит *акцентуатор*, ранжирующий предметы среды в соответствии с системой ценностей конкретного человека: все наиболее важное выходит на первый план, а менее важное отодвигается на вторые и третьи позиции. Крайним случаем такого явления может выступать аффект, при котором внимание человека (пациента) концентрируется только на одном предмете, интересующего его в данный конкретный момент времени. Вся окружающая обстановка (фон) не замечается, что приводит к неадекватным поступкам. Следует сказать, однако, о том, что не всегда «правильная» (правдивая) и адекватная системе ценностей картина хороша для выживания. Эта объективная картина может быть страшной и убийственной, правда может погубить человека: для того, чтобы видеть вещи такими, каковы они есть в реальности, нужна известная смелость. Смягчение картины реальности обеспечивают психологические защиты. *Корректор* создает иллюзии, выполняющие защитные функции [3].

В свете вышесказанного можно объяснить существование и обозначить место среди других форм психического отражения такого, например, явления, как «созерцание». Психика здесь выступает как инструмент познания. Для вхождения в ситуацию «созерцания» существуют специальные техники, цель которых состоит в том, чтобы при отражении окружающей среды отойти от предвзятой, субъективно окрашенной картины среды и сделать ее «объективной»,

независимой от индивидуальных особенностей отражающего субъекта (создается картина, где все вещи равноценны, как это и есть в природе). Вещи становятся неравноценными благодаря человеку с его потребностями. Чтобы создать равновесную картину среды, следует «отключить» механизмы, называемыми нами «*корректор*» и «*акцентуатор*». Созерцание – это системный эффект, возникающий в границах такой сферы индивидуального сознания, как сверхсознание. Возникает как целостный эффект (элементами выступают другие сферы индивидуального сознания) по принципу «Целое больше суммы своих частей». По этой причине созерцание обладает свойством предсказывать еще несостоявшиеся события (мир един в своей материальности). Можно видеть, что аффект и созерцание – два противоположных полюса некоторой шкалы состояний сознания, где фигура и фон взаимодействуют друг с другом, меняя свою представленность в индивидуальной психике.

Таким образом, предлагаемая схема формирования и функционирования индивидуального сознания допускает ее формализацию и алгоритмизацию, вследствие чего, в свою очередь, появляется возможность создания компьютерных программ, с помощью которых можно исследовать модели разных форм и сфер сознания и обнаруживать и описывать их новые, неочевидные свойства.

Список литературы

1. Балин В.Д. Состав и структура категорий психологии // Вестн. интегратив. психолог. – Ярославль; М., 2007. – Вып. 5. – С. 84–86.
2. Балин В.Д. Сознание – научная категория или психическое явление? // Вестн. СПб. ун-та. Сер.12. – Психология. – 2009. – Вып. 3(4). – С. 3–16.
3. Балин В.Д. Введение в теоретическую психологию. – СПб.: СПбГУ, 2012.
4. Балин В.Д., Коваль В.М., Матчина В.В. и др. Эмпирические характеристики сознания // Вестн. интегратив. психолог. – Ярославль; М., 2008. – Вып.1(6). – С. 24–25.
5. Балин В.Д., Коваль В.М. Модель индивидуальной картины мира // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. Л.А. Коростылевой. – СПб., 2006. – Вып.10. – С. 180–185.
6. Вейль Г. Классические группы, их инварианты и представление. – М., 1947.
7. Гуревич Г.Б. Основы теории алгебраических инвариантов. – М.; Л., 1948.
8. Матчина В.В. Контент-анализ как метод исследования свойств общественного сознания // Вестн. интегратив. психолог. – Ярославль; М., 2008. – Вып.1(6). – С. 119–120.
9. Rogers T.T., McClelland J.L. Pre'cis of Semantic Cognition: A Parallel Distributed Processing Approach // Behavioral and brain sciences. 2008. – V. 31. – P. 689–749.

Понятие «эпистемологический стиль» и его психологическое содержание

В статье представлен анализ понятия «эпистемологический стиль» в контексте иерархии познавательных стилей. Предложено рассматривать психологическое содержание данного понятия в контексте системы отношений личности к окружающему миру, а также учитывать позицию человека как субъекта жизнедеятельности.

The analysis of the concept «epistemological style» in a context of hierarchy of cognitive styles is presented. It is offered to consider the psychological content of this concept in a context of the system of personality relations to world around, and also to consider a position of the person as subject of activity.

Ключевые слова: познавательные стили, эпистемологический стиль, система отношений к окружающему миру, понятие «образ мира», субъектный подход.

Key words: cognitive styles, epistemological style, system of relations to world around, concept «image of the world», subject approach.

В современных исследованиях ярко выражено стремление к изучению индивидуально-психологических особенностей с позиции интегративного подхода, что проявляется в том числе в изучении когнитивно-стилевой организации личности. В области стилевого подхода в последнее время предпринимаются попытки изучения связи когнитивных стилей с индивидуально-стилевыми характеристиками разного уровня и определения места когнитивных стилей в системе личностной регуляции познавательной активности человека [6; 29; 31; 33; 35 и др.]. Однако до сих пор описанные когнитивные стили не объединены общей теорией, и их соотношение с личностными особенностями вызывает дискуссии. Разрешению данной проблемы может способствовать обращение к классификации познавательных стилей (стили кодирования информации, когнитивные, интеллектуальные, эпистемологические) и изучение структуры эпистемологических стилей, являющихся стилями высокого порядка в иерархии познавательных стилей и обозначающих индивидуально-своеобразные формы познавательного отношения к окружающему миру и к себе как субъекту познавательной деятельности [31]. Неслучайно Ж. Пиаже считал, что интерес к проблемам эпистемо-

логии в познавательной сфере позволит обнаружить корни различных форм познания, начиная с более элементарных, и выявить их развитие на уровнях более высокого порядка [25].

Среди когнитивно-стилевых концепций, предложенных в научной литературе [31; 33; 34; 35], на данный момент не существует общепринятой классификации и представления о содержательных компонентах эпистемологических стилей. Тем не менее, М. А. Холодная [31] выделяет в контексте проблемы индивидуально-своеобразных способов познавательного отношения к миру типологию личности К. Г. Юнга [32] и рассматривает её в качестве классификации познавательных личностных типов, поскольку в основе данной типологии наряду с личностными качествами лежат определённые познавательные функции.

В связи с вышесказанным цель данной статьи – определить психологические характеристики, которые имеют отношение к содержанию понятия «эпистемологический стиль».

При рассмотрении сущности эпистемологических стилей важно понимать, что они, являясь разновидностью познавательных стилей, определённым образом связаны с когнитивными структурами личности. Значимым для исследования природы эпистемологических стилей является обоснование Ж. Пиаже того, что функционирование и развитие психики, в том числе его когнитивных структур, происходит посредством активного взаимодействия индивида со средой, и то, что одним из важных условий данного процесса является содержание его взаимодействия с объектами [25].

Для понимания механизма формирования психологических, и в том числе познавательных, особенностей личности в процессе её взаимодействия со средой, целесообразно обратиться к изучению человека с позиции его отношений к окружающей действительности.

А. Ф. Лазурский, основатель психологического учения об отношениях человека, выделил две стороны психики человека (экзопсихику и эндопсихику) и уровни личности: высший уровень личности характеризуется более всего экзопсихикой (отношениями, идеалами), низший – эндопсихикой (нервно-психическими механизмами), а средний – соответствием экзо- и эндопсихики [15].

Исследование отношений, по мнению В. Н. Мясищева, объединяет объективное с субъективным, внешнее с внутренним [20]. Он определял психологические отношения человека как целостную систему индивидуальных избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами действительности, которые отражаются на всех психических процессах [20].

В процессе анализа многообразных отношений личности к объектам окружающего мира и другим людям важно, на наш взгляд, рассматривать человека как систему многоуровневых характеристик, а также учитывать степень выраженности и направленность его психической активности, то есть рассматривать человека как субъекта собственной жизни. Этот аспект анализа психологии человека отражают принципы интегративного и субъектного подходов.

Принципы интегративного подхода были реализованы в научной школе Б. Г. Ананьева, который большое значение придавал многоаспектному познанию сложных разнокачественных объектов и их множественной причинности. В своих исследованиях он показал, что интеллект занимает одно из центральных мест среди потенциалов субъекта и является многоуровневой и многокомпонентной организацией познавательных сил [2]. В работах, проведённых под его руководством, были обнаружены сложные связи между интеллектуальными и характерологическими особенностями. Отсюда следует, что при определении структуры эпистемологических стилей необходимо рассматривать когнитивные особенности, обеспечивающие функционирование интеллекта, а также личность как целостную систему, состоящую из разноуровневых характеристик.

Большой потенциал для разработки объяснительной концепции эпистемологических стилей имеют положения субъектного подхода к изучению личности.

С. Л. Рубинштейн показал, что главной характеристикой психики является её принадлежность субъекту [26]. В дальнейшем это положение было развито его учениками. На основе представления об интеграции личности и деятельности К. А. Абульхановой-Славской разработано понятие «жизнедеятельность» и представление о субъекте как высшем уровне развития личности, обозначающего человека, способного сознательно строить свою жизнедеятельность и произвольно управлять ею [1]. А. В. Брушлинский обосновал возможности интеграции психологических исследований на основе категории «субъект» [7]. По его мнению, эта научная категория является системной и объединяет все аспекты человеческой психики.

В свою очередь, В. Н. Панферов, опираясь на представление Б. Г. Ананьева о человеке как субъекте труда, познания и общения, разработал конструкт модели субъектной активности человека, в которой отражается понимание перехода природных и психических свойств человека в качественно новые психологические феномены [21].

Далее Е. Ю. Коржова в своих работах [9; 10] привела доказательства того, что способность активно участвовать в процессе жизнедеятельности, то есть быть её субъектом, является центральной характеристикой человека и условием становления личности. Было введено понятие «субъект-объектные ориентации в жизненных ситуациях» для обозначения базовых жизненных ориентаций человека относительно жизненных ситуаций, в которых протекает его бытие.

Из сказанного следует, что рассмотрение человека как субъекта жизнедеятельности открывает возможности для интеграции разных психологических особенностей и изучения личности в её целостности.

Среди современных исследователей в рамках когнитивно-стилевого подхода появляются работы [19; 29], в которых признаётся ценность положений субъектного подхода для разрешения противоречий и разногласий между представителями разных направлений в исследовании проблемы стиля.

В. В. Селиванов обосновывает необходимость рассматривать человека как субъекта, способного благодаря своей активности развить личностные черты, в том числе посредством мыслительной деятельности по решению внешних и внутренних проблем [27]. Принципы субъектного подхода реализованы им на примере изучения когнитивного стиля «полезависимость / полenezависимость».

И. Г. Скотникова считает, что категория «субъект» интегрирует в себе индивидуальностные, активно-деятельностные, когнитивные, мотивационно-эмоциональные, ценностно-смысловые аспекты психики, и на примере исследования когнитивного стиля «импульсивность / рефлексивность» обосновывает необходимость реализации субъектного подхода в области психофизики и, в частности, в изучении когнитивных стилей [29].

В. И. Моросанова предлагает рассматривать индивидуально-стилевые особенности в целостной системе саморегуляции произвольной активности и вводит понятие «стиль саморегуляции» [19].

Вышепредставленные исследования убедительно показывают важность учёта характеристик человека как субъекта своего жизненного пути. Так, Г. А. Берулава обращается к интегральной характеристике личности – образу мира субъекта и вводит понятие «стиль индивидуальности» [6].

Понятие «образ мира» близко категории эпистемологических стилей, поскольку также является интегративным психическим образованием, связанным с отношениями человека к окружающей

действительности и функционированием его как субъекта различных видов деятельности [4]. К тому же существуют представления о связи когнитивных стилей со спецификой образа мира [5; 22].

По сравнению с зарубежной психологией, в рамках которой преимущественно изучались закономерности формирования образа и принципы его системной организации в области гештальтпсихологии, в отечественной психологии возник интерес к закономерностям, связанным с субъективными смыслами образа и его построением в контексте деятельности субъекта [4]. Образ мира был проанализирован во взаимосвязи с процессами восприятия, мышления, эмоционально-ценностными компонентами, понятием «картина мира». Так, А. Н. Леонтьев обосновал, что образ мира представляет некоторую модель, которая, будучи построена на основании субъективного опыта, в дальнейшем сама опосредует восприятие этого опыта [16]. По мнению В. В. Петухова, образ мира («представление мира») является плодотворной структурой в контексте исследований мышления [24]. С. Д. Смирнов сделал вывод о том, что «...образ мира является ядерной структурой по отношению к картине мира» [30; с. 24].

В свою очередь, Ф. Е. Василюк [8] в исследовании образа мира придал особое значение эмоционально-ценностному компоненту, характеризующему особенности переживания субъекта. В созданной типологии жизненных миров он выделил когнитивно простых и когнитивно сложных людей по способу восприятия реальности субъектом.

Д. А. Медведев и В. П. Серкин предприняли попытку выявить структурные компоненты образа мира. Д. А. Медведев в качестве главных его характеристик выделил когнитивную сложность, ведущую эмоциональную окраску мировосприятия и характер ценностных ориентаций личности [17]. В. П. Серкин в своей работе обосновал понимание образа мира как интегральной системы значений человека, структурированной индивидуальной иерархией мотивов, мотивационно-целевыми связями на принципе субъектности [28].

По мнению Л. В. Кравченко, образ мира определяет восприятие окружающего мира и ценностные ориентиры личности [14]. На основе проведённого исследования она выделила три типа образа мира личности, ключевое различие между которыми выявлено в ценностно-смысловой позиции личности в отношении мира и себя в мире [14].

Наряду с представленными исследованиями выделяются работы, в которых разрабатывается психосемантический подход к изучению образа мира и картины мира личности. В работах

Е. Ю. Артемьевой [3] и В. Ф. Петренко [23] уделено особое внимание изучению индивидуальных систем значений, посредством которых личность воспринимает окружающий мир, других людей и саму себя. Данный подход получил развитие в работах Н. Н. Королевой в исследовании особенностей репрезентации мира [12; 13]. Она обосновала, что субъективная реальность, существующая в индивидуальном сознании человека, представляет собой иерархическую систему, включающую три базовых уровня репрезентации мира – перцептивный, эмоционально-рациональный, личностно-смысловой.

В свою очередь, Д. А. Медведев предложил концепцию субъективной реальности как стержневого образования психики, отражающего взаимодействие психики человека и объективной реальности [18]. Компоненты субъективной реальности, по его мнению, связаны общей психосемантической структурой.

Вышесказанное свидетельствует о том, что понятие «образ мира» тесно связано не только с особенностями ценностно-мотивационной сферы, характеризующими систему значимых для личности ценностей, мотивов, смыслов, но и отражает результат активности человека как субъекта своей жизнедеятельности.

Таким образом, как в исследовании когнитивно-стилевых особенностей, так и в изучении специфики образа мира исследователями признается важность учёта активности человека по отношению к событиям и явлениям окружающего мира, выраженной в форме отношения к ним, и имеющегося у него жизненного опыта, способствующих формированию индивидуально-стилевого своеобразия.

На основании вышесказанного мы предположили, что эпистемологические стили представляют собой относительно устойчивую психологическую характеристику иерархии познавательных стилей, проявляющуюся в предпочтительных способах познавательной активности и особенностях отношения личности к объектам и явлениям окружающего мира. Считаем возможным использовать при определении структуры и индивидуально-психологических характеристик эпистемологических стилей типологию субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях [9]. Субъект-объектные ориентации как базовые жизненные ориентации человека проявляются в субъективной форме (интериоризированная субъектность), характеризую внутреннюю картину жизнедеятельности, и в объективной форме (экстериоризированная субъектность), отражаясь в выборе

поведенческих стратегий. Это свидетельствует о том, что субъект-объектные ориентации связаны с системой отношений личности к объектам и явлениям окружающего мира, то есть с компонентами ценностно-мотивационной сферы личности, и проявляются в поведении личности. Соотношение когнитивно-стилевых особенностей разного уровня в иерархии познавательных стилей уточнялось нами в эмпирическом определении компонентов структуры эпистемологических стилей. При этом определялась взаимосвязь характеристик когнитивных стилей «полезависимость/полenezависимость», «импульсивность / рефлексивность», показателей интеллектуальных стилей (по типологии А. Харрисона и Р. Брэмсона), типологических особенностей (выделенных в теории К. Г. Юнга), ценностных и субъект-объектных ориентаций. Прежде всего необходимо отметить особенности взаимосвязи субъект-объектных ориентаций с познавательными стилями: более тесные связи выявлены с интеллектуальными стилями, характеризующими особенности поведения в проблемных ситуациях, и менее тесные – с когнитивными стилями, отражающими специфику переработки информации о своём окружении.

В результате использования факторного анализа (вращение – нормализованный варимакс) была получена факторная структура взаимосвязей. Далее посредством вторичного факторного анализа было установлено, что когнитивно-стилевые особенности определённым образом связаны с факторной структурой, состоящей из индивидуально-типологических характеристик, показателей субъект-объектных и ценностных ориентаций. На основании полученных результатов мы пришли к пониманию того, что к компонентам структуры эпистемологических стилей можно отнести особенности ценностно-мотивационной сферы личности (иерархию ценностных ориентаций, показатели субъект-объектных ориентаций), индивидуально-типологические характеристики, выделенные в подходе К. Г. Юнга. В качестве базовых компонентов эпистемологических стилей, по нашему мнению, можно рассматривать субъект-объектные ориентации, поскольку они являются интегрированным психологическим образованием по отношению к ценностной позиции и типологическим особенностям личности.

На основании вышесказанного мы предположили, что эпистемологические стили проявляются в типах субъект-объектных ориен-

таций. Данная гипотеза получила конкретизацию в процессе установления различий в психологическом профиле представителей разных типов жизненных ориентаций в одномерной и двухмерной типологиях субъект-объектных ориентаций.

В контексте одномерной типологии жизненных ориентаций были определены значимые различия между представителями объектной и субъектной ориентаций в индивидуально-стилевых, типологических, ценностно-мотивационных особенностях.

В контексте двухмерной типологии жизненных ориентаций установлено, что каждый из типов субъект-объектных ориентаций отличается индивидуальным своеобразием профиля интеллектуальных стилей, типологических характеристик, особенностей иерархии ценностных ориентаций и представленностью типов ценностей. Кроме того, между представителями разных типов субъект-объектных ориентаций были выявлены достоверные различия в специфике соотношения когнитивных и интеллектуальных стилей. Заметим, что полученная структура взаимосвязей познавательных стилей разного уровня (когнитивных стилей «полезависимость / полнезависимость» и «импульсивность / рефлексивность» и показателей интеллектуальных стилей) показала не только существование отдельных факторов с характеристиками когнитивных стилей и показателями интеллектуальных стилей, но и наличие фактора, объединяющего показатели когнитивных и интеллектуальных стилей (полнезависимость и прагматический стиль). Этот результат согласуется с мнением М. А. Холодной о существовании сквозных механизмов взаимодействия всех уровней познавательных стилей [31].

Таким образом, полученные в нашем исследовании результаты позволяют рассматривать разные типы субъект-объектных ориентаций, представленные в двухмерной типологии жизненных ориентаций, в качестве классификации эпистемологических стилей.

В целом результаты проведённого теоретического и эмпирического исследования позволяют считать продуктивным изучение понятия «эпистемологический стиль» и рассмотрение структуры и индивидуально-психологических характеристик эпистемологических стилей с позиции познания человека как субъекта своей жизнедеятельности и в контексте типологии субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания: Избр. психолог. тр.; под ред. А. А. Бодалева. – 3-е изд., стер. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МО-ДЭК, 2008. – 432 с.
3. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики; под ред. И. Б. Ханиной. – М.: Наука; Смысл, 1999. – 350 с.
4. Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Образ мира: когнитивный подход. – М.: Альтекс, 2000. – 108 с.
5. Безменов И. В. Взаимосвязь социальной перцепции с когнитивными стилями студентов вузов: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – М., 2007. – 21 с.
6. Берулава Г. А. и др. Роль стереотипов психической активности в развитии личности; под общ. ред. Г. А. Берулава. – М.: Гуманитарная наука, 2010. – 157 с.
7. Брушлинский А. В. Психология субъекта; отв. ред. проф. В. В. Знаков. – М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.
8. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.
9. Коржова Е. Ю. Психологическое познание человека как субъекта жизнедеятельности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. – СПб., 2001. – 43 с.
10. Коржова Е. Ю. Духовно-нравственные аспекты исследования жизненного пути личности // Вестн. РХГА. – 2010. – Т. 11. – № 2. – С. 251-262.
11. Коржова Е. Ю., Ромаева О. Н. Личностные особенности переживания психотравмирующего опыта и субъективная картина жизненного пути (на примере современных осетин) // Дискуссия. – 2012. – Т. 5. – № 3. – С. 42–50.
12. Королева Н. Н. Семиосфера личности: моногр. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 159 с.
13. Королева Н. Н. Психосемиотика субъективных реальностей личности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. – СПб., 2006. – 36 с.
14. Кравченко Л. В. Тип образа мира как фактор оценки личностной значимости жизненных событий: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – Хабаровск, 2008. – 23 с.
15. Лазурский А. Ф. О составе личности // Психология личности в трудах отечественных психологов; сост. и общ. ред. Л. В. Куликова. – СПб.: Питер, 2002. – С. 17–22.
16. Леонтьев А. Н. Психология образа // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1979. – № 2. – С. 3–13.
17. Медведев Д. А. Образ мира современного студента: основы системно-текстологической парадигмы. – Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2001. – 198 с.
18. Медведев Д. А. Психология субъективной реальности: проблема интеграции современного антропологического знания // Гуманит. исследования. – 2005. – № 1. – С. 5–9.
19. Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. – М.: Наука, 2001. – 192 с.
20. Мясищев В. Н. Психология отношений; под ред. А. А. Бодалева / вступ. ст. А. А. Бодалева. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2003. – 400 с.
21. Панферов В. Н. Психология человеческих отношений. Избранное. – СПб.: АНО ИПП, 2009. – 497 с.

22. Паралис С. Э. Когнитивный стиль «простота – сложность» как характеристика индивидуальности: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. – М., 1988. – 18 с.
23. Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. – М.: Новый хронограф, 2010. – 440 с.
24. Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1984.– № 4. – С. 13–20.
25. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология // науч. ред., пер. на рус. яз. Е. Б. Одерышева. – СПб.: Питер, 2004. – 160 с.
26. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии; сост. А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова-Славская. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
27. Селиванов В. В. Мышление в личностном развитии субъекта: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. – М., 2001. – 54 с.
28. Серкин В. П. Образ мира и образ жизни. – Магадан: Изд-во СМУ, 2005. – 331 с.
29. Скотникова И. Г. Проблемы субъектной психофизики. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – 384 с.
30. Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1981. – № 2. – С. 15–29.
31. Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума: учеб. пособие. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 304 с.
32. Юнг К. Г. Психологические типы; пер. с нем. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 761 с.
33. Nosal Ch. S. Psychologiczne modele umyslu. — Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990.
34. Royce J. R. Cognition and knowledge: Psychological epistemology // Handbook of perception / Ed. by E. C Carterette, M. P. Friedman. – N. Y., London: Acad. Press, 1974. – V. I. – P. 149–176.
35. Wardell D. M., Royce J. R. Toward a multi-factor theory of styles and their relationship to cognition and affect // J. of Personality. – 1978. – V. 46 (3). – P. 474–505.

Анализ понятийного уровня ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании

В статье обсуждаются особенности содержания и структуры ментальных репрезентаций мотивации на понятийном уровне. Показано общее и особенное для понятийного уровня ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании. Реконструированы модели ментальных репрезентаций мотивации понятийного уровня для научного и обыденного сознания.

The article deals with the features of the content and structure of the conceptual representations of motivation. The data are given to demonstrate common traits and characteristics for the conceptual representations of motivation in scientific and habitual thinking. The models of conceptual representations of motivation for the scientific and habitual thinking are reconstructed.

Ключевые слова: ментальные репрезентации, мотивация, модель ментальных репрезентаций мотивации, научное сознание, обыденное сознание.

Key words: mental representations, motivation, the model of conceptual representations of motivation, habitual thinking, scientific thinking.

Мотивация представляет собой сложное для изучения психическое явление, трудно поддающееся определению, классификации и измерению. Крупнейшие исследователи (Б. Г. Ананьев, В. Г. Асеев, В. К. Вилюнас, А. Н. Леонтьев, П. М. Якобсон, Дж. Аткинсон, А. Маслоу, Х. Хекхаузен, Г. Холл) описывают мотивацию как проявление потребностей человека, его побуждений, функциональных состояний, представлений, намерений и т. д. Но как за множеством разнообразных, подчас противоречащих друг другу описаний этой психической реальности разглядеть саму реальность? Как препарировать ее от вариантов ее отображения? Один из возможных путей решения данного вопроса – анализ того, каким образом познается и отображается этот феномен [6].

Обсуждение субъективной представленности психических явлений, в том числе и мотивации, ведется в настоящее время преимущественно в парадигме ментальных репрезентаций [5, 9, 13], что дает возможность исследовать субъективную форму видения мотивации как результата отображения, анализа, структурирования человеком информации о внутреннем мире субъекта – как собственном, так и другого человека.

Необходимость исследования ментальных репрезентаций мотивации вызвана запросом общественной практики на «управление мотивацией» человека [12]. Чтобы управлять мотивацией, необходимо ее отрефлексировать, ведь управлять можно только тем, что осознаешь.

Актуальность изучения ментальных репрезентаций мотивации также обусловлена различиями между обыденным и научным психологическим знанием. Знание того, как устроены исходные системы понятий, как представлены аналоги научных психологических знаний в обыденном сознании, обеспечивает продвижение к пониманию внутреннего мира человека, самопонимание, облегчает взаимодействие психолога с непсихологом.

Целью настоящего исследования явилось изучение содержания и структуры понятийного уровня ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании, выявление универсальности и специфичности в представлениях о мотивации у различных групп их носителей (носителей как научного сознания – ученых и преподавателей, авторов учебных текстов, так и обыденного – студентов). Подобный анализ для образного и ассоциативного уровней осуществлен ранее [7].

Эмпирическое исследование проводилось в три этапа. Содержанием *первого этапа* явилось изучение понятия «мотивация» в учебных текстах. Объект исследования – фрагменты текстов, содержащие определения мотивации, в учебниках и учебных пособиях для вузов, изданных с 2000 по 2010 гг. и предназначенных для студентов психологических специальностей. *Второй этап* включал в себя изучение репрезентированности понятия «мотивация» в обыденном сознании, у 360 студентов в возрасте от 18 до 22 лет гуманитарных, естественнонаучных, прикладных специальностей ВятГГУ. Использовался метод определения понятий. Испытуемым студентам было предъявлено слово-стимул «мотивация». *На третьем этапе* осуществлялось сравнение понятийного уровня ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании.

В ходе обработки научных определений и определений, полученных от студентов, проводилась процедура сплошного (терминологического) контент-анализа [1]. Сравнительный анализ проводился с использованием критерия ϕ – угловое преобразование Фишера. Расчеты осуществлялись в программе SPSS 10.0.

Эмпирические результаты исследования понятия «мотивация» в учебных текстах. Было проанализировано 39 определений мотивации, содержащих 191 лексическую единицу (слова и синтаксически неделимые словосочетания). Обработка текстов определений осуществлялась с учетом того, что тексты определений, как правило, имели двухуровневую иерархическую структуру (указание на род и видовое отличие). Например: «Мотивация есть процесс [указание на род: первый порядок] образования, формирования мотивов [видовое отличие: второй порядок]» [14, с. 384]. Качественный анализ определений позволил выделить семь категорий, дифференцирующих акценты описания сущности феномена мотивации в статике (Целостность) или в динамике (Динамика) либо его функций (Энергия, Влияние), а также его структурных элементов – субъекта и объекта (Носитель мотивации, Объект детерминации), а помимо того, рефлексии по поводу самого феномена и его составляющих (Интерпретация).

В основной части определений (первый порядок) были обнаружены категории, отражающие сущность и функции мотивации: идеи рассмотрения мотивации как целостной характеристики, указывающей на внутреннюю связность явления (Целостность); мотивации как динамической характеристики, указывающей на его процессуальность, изменение, протяженность во времени (Динамика); мотивации как энергетизирующего момента (Энергия) и как влияния, воздействия внутри процесса (Влияние). Во второй, уточняющей, конкретизирующей части определений (второй порядок), выявлены те же категории, но с меньшей частотой использования. Специфическими для второй части определений оказались категории, которые можно обозначить как структурные (отражающие субъект и объект мотивации (Носитель мотивации, Объект детерминации)), а также рефлексивные (репрезентирующие рефлексии по поводу этого феномена в целом и его составляющих (Интерпретация)).

Результаты исследования показали, что в научных определениях первого порядка сущностные определения мотивации встречаются значительно чаще, чем функциональные (82,06 % против 17,94 %) и с равной частотой используются категории Целостность (41,03 %) и Динамика (41,03 %) (табл. 1).

Таблица 1

Частота встречаемости категорий контент-анализа определений мотивации, выделенных в учебных текстах (в % от общего количества подсчитываемых понятий)

Категории контент-анализа научных определений	Число случаев, когда смысловая единица стоит на первом месте (1-й порядок); n=39		Число случаев, когда смысловая единица стоит на втором месте (2-й порядок); n=152	
	%	ранг	%	ранг
Целостность	41,03	1,5	0,66	7
Динамика	41,03	1,5	14,47	4
Энергия	15,38	3	23,03	3
Влияние	2,56	4	27,64	1
Интерпретация	-	-	1,97	6
Носитель мотивации	-	-	8,55	5
Объект детерминации	-	-	23,68	2

Если сущностные категории доминируют для первого порядка определений, то функциональные – для второго порядка, то есть при уточнении, дополнении основных признаков мотивации. Анализ частоты встречаемости категорий второго порядка (табл. 1), показал, что первые три ранговые позиции принадлежат категориям Влияние (27,64 %), Энергия (23,03 %), а также структурной категории Объект детерминации (23,68 %). Заметим, что функциональные категории «прорываются» в число ведущих категорий второго порядка.

Для определения взаимосвязей составляющих ментальных репрезентаций мотивации в научном сознании был использован корреляционный анализ (подсчитывалась величина коэффициента корреляции Спирмена между частотами встречаемости категорий первого и второго порядков) (рис. 1). Коэффициент корреляции позволил определить степень тесноты связи категорий и выявить узловые категории [2]. Преобладают связи с вероятностью $p \leq 0,05$, за исключением единственной связи между категориями первого порядка, вероятность которой составила $p \leq 0,01$. Выявлены четыре основные стратегии репрезентации феномена мотивации, в том числе три, объединяющие взаимозависимые категории (Целостность, Динамика, Энергия) и одна автономная (Влияние).

Таким образом, ментальные репрезентации мотивации у учебных предполагают выбор между отражением сущности и явления

(проявлений) мотивации в пользу первой. Сущностные репрезентации, в свою очередь, представлены в двух альтернативных вариантах: осуществляется выбор между отображением феномена либо в статике, либо в динамике. Репрезентации, в которых представлены проявления мотивации, предполагают выбор между отображением ее структуры и функции.

Эмпирические результаты исследования понятия «мотивация» в обыденном сознании. Был выполнен анализ 360 определений мотивации, сформулированных студентами и содержащих 1387 лексических единиц (слова и синтаксически неделимые словосочетания). Как и научные определения, студенческие определения имеют структуру, в которой представлены основная часть (первый порядок) и дополнение к ней (второй порядок). Например: «Мотивация это побуждение [первый порядок] к совершению определенного действия [второй порядок]».

Для контент-анализа определений мотивации, предложенных студентами, использовался вышеописанный набор из семи категорий, включающий в себя сущностные (статические и динамические), структурные, функциональные и рефлексивные категории. К сущностным потребовалось добавить категорию Неопределенность описываемого явления, описывающую затруднения, возникшие при описании мотивации (табл. 2).

Таблица 2

Частота встречаемости категорий контент-анализа в определениях мотивации, предложенных студентами (в % от общего количества подсчитываемых понятий)

Категории контент-анализа научных определений	Число случаев, когда смысловая единица стоит на первом месте (1-й порядок); n=360		Число случаев, когда смысловая единица стоит на втором месте (2-й порядок); n=1027	
	%	ранг	%	ранг
Неопределенность описываемого явления	15,56	3	-	-
Целостность	12,50	4	0,10	7
Динамика	6,11	5	17,04	3
Энергия	32,50	1	20,45	2
Влияние	29,72	2	15,29	4
Интерпретация	3,61	6	0,49	6
Носитель мотивации	-	-	15,09	5
Объект детерминации	-	-	31,55	1

Результаты исследования показали, что у студентов по сравнению с учеными расширился набор категорий первого порядка. В их число вошли Неопределенность описываемого явления и Интерпретация, то есть квазисущностная и рефлексивная категории, которые свидетельствуют о трудностях в отображении скрытых характеристик описываемого явления. Основными, наиболее часто используемыми в структуре определений при репрезентировании мотивации являются функциональные категории первого порядка Энергия (32,5 %) и Влияние (29,72 %).

Первую ранговую позицию занимает функциональная категория Энергия, представленная подкатегориями: Феноменология мотивации (28,06 %), Иницирующая сила (3,33 %), Личностные характеристики / проявления (1,11 %). Доминирует идея мотивации как психологического феномена, запускающего (побуждающего), поддерживающего и сопровождающего деятельность (побуждение, стремление, желание, мотив, потребность, заинтересованность и др.), т. е. преобладает интегральное описание функций мотивации.

Вторую ранговую позицию занимает также функциональная категория Влияние, представленная подкатегориями: Исходные основания / причины (8,89 %), Влияние / воздействие (9,72 %), Умственная деятельность / осознание (3,06 %), Направленность (6,39 %), Планирование (1,67 %). В категории Влияние нет явного доминирования подкатегорий. Выделяются равнозначные идеи мотивации: то, что предшествует событию (причина, основание); обстоятельства-мотиваторы (фактор, стимул); векторная характеристика (цель, направленность). Присутствуют в репрезентациях мотивации и некоторые аспекты умственной деятельности (мысль, умственная деятельность, смысл). Таким образом, в противоположность категории Энергия здесь мы имеем фрагментарное описание различных аспектов функционирования мотивации.

Третью ранговую позицию занимает квазисущностная категория Неопределенность описываемого явления (15,56 %), которая включает в себя случаи использования неявных определений понятия «мотивация». В них явление остается загадочным, раскрывается лишь набор функций, которые объект выполняет, или набор его свойств (то, что движет человеком в той или иной ситуации; то, что побуждает человека к выполнению той или иной деятельности и

др.). Следовательно, сущностное по своей структуре определение выполняет роль функционального.

Анализ частоты встречаемости категорий второго уровня (см. табл. 2), содержащего дополнения к основным свойствам мотивации, показал, что первую ранговую позицию в этом случае занимает структурная категория Объект детерминации (31,55 %), вторую – функциональная категория Энергия (20,45 %), и лишь третью – сущностная категория Динамика (17,04 %). Функциональная категория Влияние (15,29 %) находится на четвертом, а структурная категория Носитель мотивации (15,09 %) на пятом месте соответственно.

Для определения взаимосвязей составляющих ментальных репрезентаций мотивации в обыденном сознании был использован корреляционный анализ (по аналогии с научными определениями) (рис. 2). Выявлено большое количество значимых ($p \leq 0,01$) связей. Установлена бóльшая активность функциональных категорий как для первого, так для второго порядка. При этом обнаружено доминирование категории Влияние, вытеснение ею категории Энергия обоих порядков, а также при взаимодействии между разными порядками. Об этом свидетельствует отрицательная во всех случаях модальность знака связей, возникающих между этими категориями.

Таким образом, анализ студенческих определений феномена «мотивация» позволил установить, что при описании мотивации студенты в основном обращаются к тем же классам категорий, которые используют и ученые. Однако к сущностным категориям у студентов добавляется квазисущностная категория Неопределенность описываемого явления. Выявлены признаки снижения уровня обобщенности и целостности описания (в содержании подкатегорий). При репрезентировании мотивации студенты чаще всего обращаются к функциональным категориям Энергия и Влияние, то есть к проявлениям мотивации в ее функционировании. При этом в категории Энергия находит отражение целостное представление о функциях мотивации как психологического феномена, запускающего (побуждающего), поддерживающего и сопровождающего деятельность (побуждение, желание, заинтересованность), в то время как в категории Влияние доминируют фрагментарные представления о различных аспектах ее функционирования.

Результаты корреляционного анализа подтверждают характерные для студенческой выборки предпочтения функциональных категорий сущностным (рис. 2).

Сравнительный анализ понятийного уровня ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании. При сравнении мы опирались на постановку проблемы различий функционирования житейских и научных понятий в индивидуальном сознании Л. С. Выготским [3]. Сравнимые количественные показатели представлены в табл. 3.

Таблица 3

Показатели встречаемости лексических единиц
в определениях мотивации

Показатели	Результаты анализа научных определений		Результаты анализа определений, предложенных студентами	
	1-й порядок	2-й порядок	1-й порядок	2-й порядок
Кол-во анализируемых понятий	39	152	360	1027
Словарь различных понятий	10	58	83	217
Доля понятий, преодолевших 5 % барьер упоминания	50 %	8,6 %	4,65 %	1,38 %

В результате сравнения установлено, что научное понятие мотивация уже получило устоявшиеся словесные формулировки, характеризующиеся компактностью и структурированностью. Формулировки понятия мотивации, представленные в обыденном сознании, отличаются большей конкретностью и меньшими устойчивостью и обобщенностью в сравнении с научным знанием.

Специфика ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании наиболее отчетливо проявилась при сравнительном анализе определений мотивации с учетом их структуры с использованием критерия ϕ – угловое преобразование Фишера.

Результаты сравнения категорий первого порядка показали, что для научных определений достоверно выше частота встречаемости сущностных категорий Целостность ($\phi=3,96$; $p \leq 0,01$), Динамика ($\phi=5,29$; $p \leq 0,01$), для определений, предложенных студентами, – функциональных категорий Энергия ($\phi=2,31$; $p \leq 0,01$), Влияние ($\phi=4,92$; $p \leq 0,01$).

Содержательно это проявляется в том, что в научном сознании мотивация определяется сущностно: либо в статике – через понятия, указывающие на обобщенность, внутреннюю связность явления

(система, совокупность), либо в динамике – через понятия, указывающие на процессуальность, изменение (процесс). В обыденном сознании мотивация определяется, прежде всего, в ее функционировании, то есть через разнообразные проявления, нашедшие отражение в категориях Энергия и Влияние. В категории Энергия их передают понятия, в которых отображена данность феноменов мотивации субъекту-носителю (побуждение, стремление, желание, потребность, эмоции). В категории Влияние значимо чаще мотивацию определяют через указание на контекст, в котором осуществляется функционирование мотивации: исходные основания (причина) и обстоятельства-мотиваторы (фактор, стимул).

Результаты сравнения дополняющих основное высказывание категорий второго порядка, показали, что значимые различия имеются лишь в отношении фрагментарной функциональной категории Влияние ($\varphi=3,47$; $p \leq 0,01$), которая чаще используется как уточняющая в научных определениях (но выступает как основная у студентов), а также структурных категорий Носитель мотивации ($\varphi=2,34$; $p \leq 0,01$) и Объект детерминации ($\varphi=2,01$; $p \leq 0,05$), которые чаще предпочитают использовать в качестве дополнения студенты.

Общее и особенности корреляционных структур связей между категориями контент-анализа научных и студенческих определений можно увидеть при сравнении рис. 1 и 2. Подробно они рассмотрены ниже.

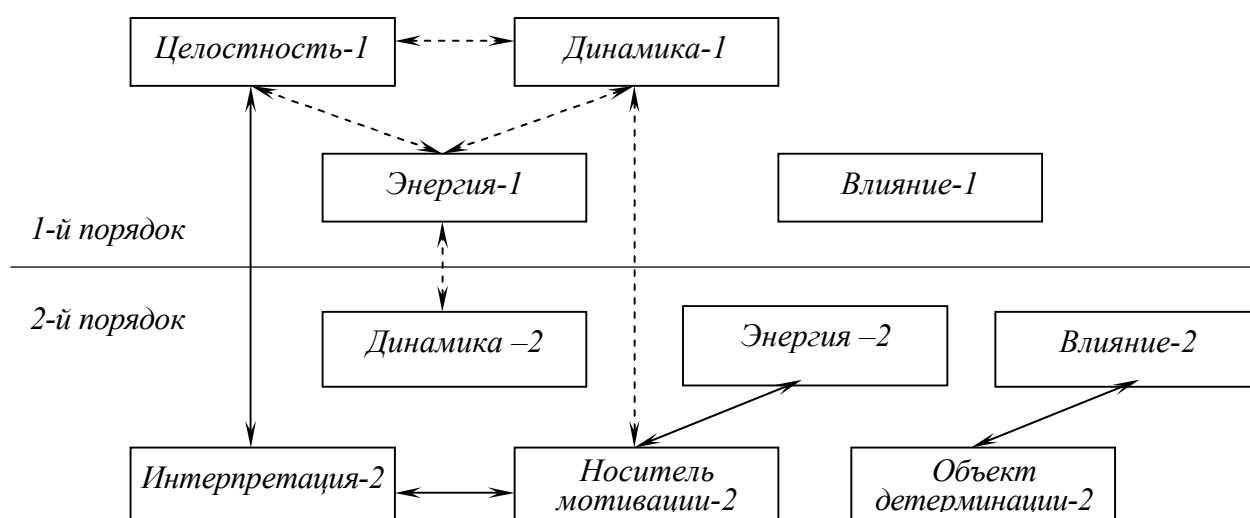

Рис. 1. Корреляционные связи между категориями в научных определениях

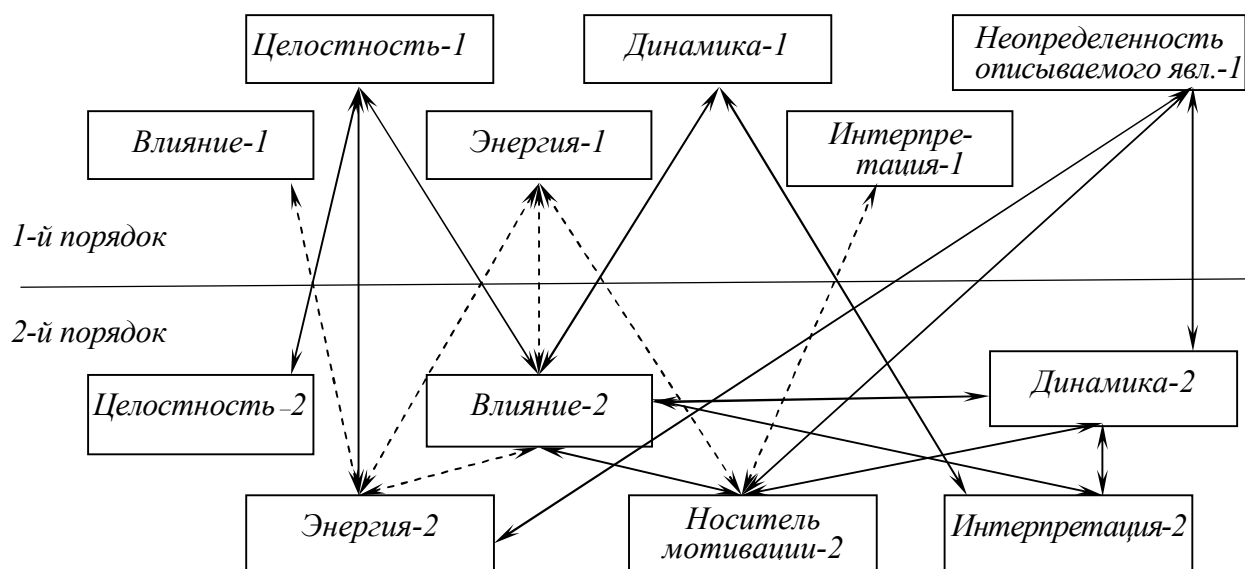

Рис. 2. Корреляционные связи между категориями в определениях, предложенных студентами (показаны только связи между категориями разных порядков, связи в пределах первого порядка не отображены из-за большого их числа)

Итак, эмпирическое исследование позволило установить как общее, так и особенное для понятийного уровня ментальных репрезентаций мотивации в научном и обыденном сознании. Общее состоит в том, что субъект, поставленный перед задачей ментального репрезентирования мотивации, имеет единый для научного и обыденного сознания набор возможностей осуществления этой задачи, потенциально располагает одним и тем же для всех, базовым набором категорий, выявленным в нашем исследовании. Они обнаружены как в основной части анализируемых определений (первый порядок), так и в дополняющей (второй порядок). В него входят следующие классы категорий: сущностные категории (1), отображающие мотивацию в статике (Целостность) (1.1) и динамике (Динамика) (1.2); акцидентальные категории (2), в число которых входят как функциональные категории (2.1), описывающие ее функционирование целостно (Энергия) (2.1.1) или фрагментарно (Влияние) (2.1.2), так и категории структурные (2.2), которые предполагают рассмотрение либо субъекта мотивации (Носитель мотивации) (2.2.1), либо ее объекта (Объект детерминации) (2.2.2). Кроме того, в базовом наборе категорий присутствует и категория рефлексивная, поясняющая процесс и результат репрезентирования мотивации автором определения (Интерпретация) (3). У студен-

тов из-за затруднений в отображении сущности мотивации появляется квазисущностная категория (Неопределенность описываемого явления) (1.0). Этот набор и определяет содержание ментальных репрезентаций мотивации (рис. 3).

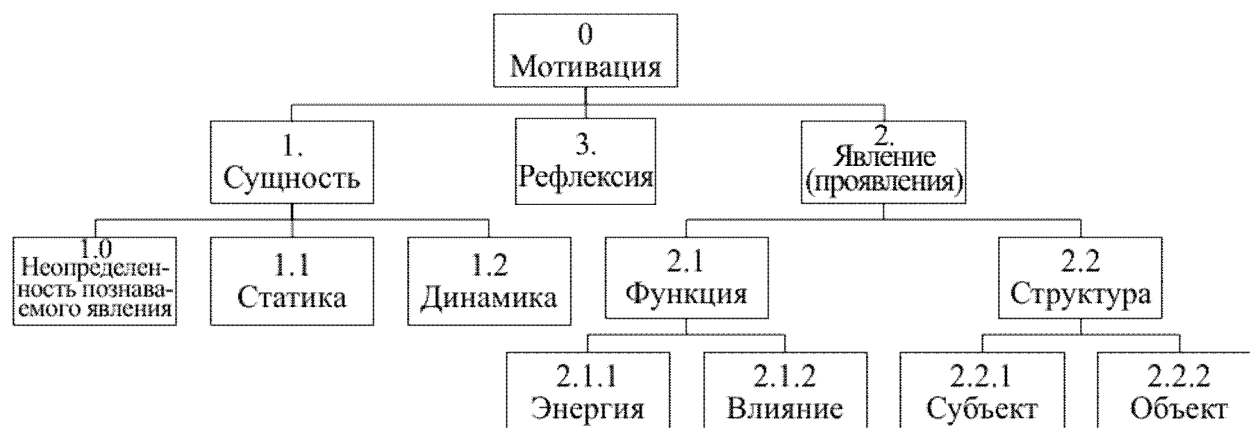

Рис. 3. Модель ментальных репрезентаций мотивации понятийного уровня (общая для обыденного и научного сознания)

Оперирование полным базовым набором категорий – непосильная даже для ученого задача. Создавая ментальную репрезентацию мотивации на понятийном уровне, субъект должен последовательно осуществить ряд выборов из имеющегося набора, расставить акценты на тех категориях, из которых он и сможет в итоге выстроить ментальную репрезентацию. Каждый из выделенных классов категорий отображает одну из сторон (характеристик) сложного феномена мотивации и процесса его репрезентирования. А субъект, репрезентируя, последовательно выбирает, на какой из них сделать акцент, то есть процесс репрезентации предполагает пошаговый выбор из базовых идей, отражающих наиболее важные характеристики мотивации.

Категории, посредством которых осуществляется репрезентирование мотивации, на первом шаге делятся на сущностные и акцидентальные. Обращение к сущностным категориям предполагает выбор между репрезентациями мотивации либо в статике, либо в динамике. Предпочтение акцидентальных категорий требует анализа альтернативы между отображением функции и структуры. В качестве факультативных выступают рефлексивные категории, содержащие анализ различных сторон самой репрезентирующей деятельности.

Рассмотрим особенное в содержании ментальных репрезентаций мотивации понятийного уровня. Научное сознание, тяготея к отражению сущности, делает выбор между репрезентацией статики (Целостность) и динамики (Динамика), причем большую самодостаточность демонстрирует категория Динамика, не требующая дополнений (использования либо акцидентальных, либо рефлексивных категорий) (рис. 1 и 4).

Рис. 4. Модель ментальных репрезентаций мотивации понятийного уровня для научного сознания (заливка отображает различия в частоте встречаемости категорий, чем интенсивнее заливка, тем выше частота предпочтения категорий, посредством которых осуществляется репрезентирование мотивации)

Обыденное сознание, неспособное удерживать высокий уровень обобщенности при рассмотрении феномена мотивации, соскальзывает к подмене: использованию квазисущностной категории Неопределенность описываемого объекта, которая сводится в конечном счете к описанию его функционирования. Для обыденного сознания оказывается привлекательным и акцент на проявлениях описываемого феномена, прежде всего, на его функционировании (Энергия, Влияние), а если это затруднительно или представляется неполным – на доступных наблюдению структурных элементах мотивации (Носитель мотивации, Объект детерминации). Центральное положение в ментальных репрезентациях мотивации в обыденном сознании занимает функциональная категория Влияние, которая обеспечивает фрагментарное отображение проявлений сложного феномена. Она используется реже, чем родственная категория Энергия, но более активна в образовании связей, причем отрицательных, то есть в своего рода «выталкивании» конкурирующих с ней категорий (рис. 2 и 5).

Рис. 5. Модель ментальных репрезентаций мотивации понятийного уровня для обыденного сознания (заливка отображает различия в частоте встречаемости категорий, чем интенсивнее заливка, тем выше частота предпочтения категорий, посредством которых осуществляется репрезентирование мотивации)

В структуре ментальных репрезентаций мотивации на понятийном уровне (рис. 1 и 2), также можно выделить как общее, так и особенное для научного и обыденного сознания. Общее состоит в том, что все связи, выявленные в определениях первого порядка, отрицательные, в то время как для категорий второго порядка все связи, за редкими исключениями, положительные. То есть именно выбор категории первого порядка определяет, какая идея из базового набора категорий мотивации будет основной, и какие будут исключены из рассмотрения или же станут второстепенными.

Особенное в структуре ментальных репрезентаций мотивации на понятийном уровне состоит в том, что для ученых выявлено малое количество устойчивых связей между категориями, в то время как для студентов – значительное. Для ученых обнаружены три взаимоисключающих стратегии репрезентирования мотивации (Целостность, Динамика, Энергия) и одна автономная (Влияние) с преобладанием по частоте встречаемости стратегий, ориентированных на отображение сущности мотивации. У студентов сущностные категории первого порядка (Целостность, Динамика, Неопределенность описываемого явления) образуют положительные связи с категориями второго порядка, то есть нуждаются в дополнениях, в то время как функциональные (Энергия, Влияние) – лишь отрицательные, что свидетельствует об их самодостаточности.

Полученные данные открывают новые перспективы в разработке закономерностей познания психического в целом и мотивации в частности и новые возможности анализа трудностей взаимодействия психолога и непсихолога по проблемам освоения концепта мотивации в консультировании и обучении.

Список литературы

1. Аверьянов Л. Я. Контент-анализ. – М.: РГИУ, 2007. – 286 с.
2. Балин В. Д. Введение в теоретическую психологию. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – 232 с.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. Собр. соч.: в 6 т. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1982.
4. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.
5. Кильченко О. И. Ментальная репрезентация психологических терминов: дис. канд. психол. наук. – Пермь, 2003.
6. Левченко Е. В. Психологическое познание как предмет исследования // Вестн. Пермского университета. 2009. – Вып. 2 (28). – С. 4–25.
7. Левченко Е. В., Втюрина Т. А. Ментальные модели мотивации у студентов // Вестн. Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. – № 1 (1). – С. 149–157.
8. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология: учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. – 2-е изд., стереотип. – М.: Академия; Высш. шк., 2001. – 512 с.
9. Подпругина В. В., Блинникова И. В. Ментальные репрезентации эмоций у учащихся общеобразовательной школы и школы искусств // Психолог. журн. – 2002. – Т. 23. – № 3. – С. 31–44.
10. Психология: учеб. / отв. ред. А. А. Крылов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект; 2004. – 752 с.
11. Психология: учеб. для гуманитарных вузов / под общ. ред. В. Н. Дружинина. – СПб.: Питер, 2001. – 656 с.: ил.
12. Ричи Ш., Мартин П. Управление мотивацией: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «Управление персоналом», «Менеджмент организации», «Психология»; пер. с англ. Е. Э. Лалаян; под ред. Е. А. Климова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 399 с.
13. Сверхдюк Е. В. Ментальные репрезентации счастья студентов-психологов // Современные научные исследования и инновации. – Май, 2011. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/05/543>.
14. Столяренко Л. Д. Основы психологии; 3-е изд., перераб. и доп. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 672 с.

Сведения об авторах

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: viktorbalin@yandex.ru.

Безносков Дмитрий Сергеевич – кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России; e-mail: don_bizon@inbox.ru

Бялт Виктор Сергеевич – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры кадровой и воспитательной работы, Санкт-Петербургский университета МВД России; e-mail: victorkwr@mail.ru

Волохова Елена Павловна – преподаватель, Колледж туризма и гостиничного сервиса; e-mail: elipali@inbox.ru

Втюрина Татьяна Анатольевна – старший преподаватель кафедры практической психологии, Вятский государственный гуманитарный университет; e-mail: vttanja@gmail.com

Клёцина Ирина Сергеевна – доктор психологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: irinaklyotsina@mail.ru

Коржова Елена Юрьевна – доктор психологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: elenakorjova@gmail.com

Левченко Елена Васильевна – доктор психологических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университета; e-mail: levchenkov@yandex.ru

Почебут Людмила Георгиевна – доктор психологических наук, профессор факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: pochebut@rambler.ru

Рудыхина Ольга Валерьевна – лаборант кафедры психологии человека психолого-педагогического факультета, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; e-mail: olga.rudykhina@gmail.com

Семёнов Валентин Евгеньевич – доктор психологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор НИИКСИ факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: niiksi@niiksi.spbu.ru

Чикалова Екатерина Азаматовна – аспирант, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена; e-mail: echikalova@mail.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (серия психология) принимаются статьи, отражающие широкий спектр проблем общей, медицинской, социальной и педагогической психологии, психологии развития и труда, психофизиологии.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург,

г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10

тел. (812) 476-90-36

E-mail: vestniklengu@mail.ru

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина
№ 2**

**Том 5
Психология**

Редактор *О. В. Мамуркина*
Технический редактор *Н. В. Чернышева*
Оригинал-макет *Н. В. Чернышевой*

Подписано в печать 24.06.2013. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,25. Тираж 500 экз. Заказ № 952

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а